

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

ПРЕБЫВАНИЕ МАЗАРИСА В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Перевод С. П. Кондратьева,
Предисловие и комментарий Т. М. Соколовой

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые предлагаемое русскому читателю «Пребывание Мазариса в подземном царстве» обычно относят к числу немногих произведений светской византийской прозы. Пробразом для него послужили сатирические диалоги Лукиана.

Это произведение, обнаруженное французским филологом Газе в одной из греческих рукописей Парижской национальной библиотеки и описанное им¹, было впервые издано Буассонадом в 1831 г. с подробным комментарием². В 1860 г. «Мазарис» был переиздан Эллисеном вместе с другим сатирическим диалогом «Тимарион»³. Он использовал для своего издания комментарий Буассонада, сделал перевод на немецкий язык и написал большую вводную статью к обоим сатирам. Позднее Макс Трой в Берлине нашел другую рукопись «Пребывания Мазариса в подземном царстве», совершенно независимую от парижской и не менее ценную, чем первая⁴. В берлинской рукописи, в отличие от парижской, имеется в конце письмо автора к императору, перевод которого прилагается к настоящему изданию.

В своих работах, посвященных «Мазарису», буржуазные ученые занимаются скрупулезной расшифровкой мельчайших намеков, содержащихся в сатире, стремятся к отождествлению с историческими лицами персонажей, выведенных в этом литературном памятнике. Не меньшей популярностью у зарубежных исследователей XIX—начала XX в. пользуется вопрос о зависимости авторов «Мазариса» и других подобных произведений от Лукиана⁵. В сходстве сюжетной схемы и сатирических приемов они видят доказательство несамостоятельности византийских писателей, подражательности и упадочничества всей византийской культуры, забывая, что эти приемы начали применяться задолго до Лукиана и являются неотъемлемой принадлежностью жанра сатирического диалога, у которого было много последователей и в древности, и в средние века, и в новое время. В византийских сатирах заслуживают внимания не черты сходства с великим сатириком древности, а их оригинальные особенности, приметы их времени, но-

¹ M. Hase. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque impériale. Paris, 1813.

² Boissonade. Anecdota graeca, t. III. Paris, 1831.

³ A. Ellissen. Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur, Bd. IV. Leipzig, 1860.

⁴ M. Treu. Mazaris und Holobolos. BZ, I, 1892.

⁵ Помимо названных уже ученых, этому вопросу уделял внимание и Н. F. Tozer („Byzantine satire“. JHS, t. II, 1881) и в меньшей степени — I. Dräseke („Byzantinische Hadesfahrten“. Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Bd. XXIX, 1912).

вая жизнь и новые взгляды, выраженные в них при помощи традиционных художественных средств.

Социальное содержание произведения, его эпоха и взгляды его автора — вот что интересует советского читателя в первую очередь, а не детали, имеющие себе параллели у Лукиана, Аристофана или других авторов.

В советской исторической литературе вопросы, связанные с «Мазарисом», почти совсем не освещались, и лишь сравнительно недавно было положено начало детальному изучению византийской сатиры как литературного явления и как памятника идеологии⁶.

Как исторический источник «Мазарис» в целом тоже не изучался, хотя ценность некоторых конкретных сведений, содержащихся в нем, давно уже была признана⁷. Традиционной стала ссыла на сатиру при упоминании как о пестром этническом составе населения Пелопоннеса, так и об участии императора Мануила II в возведении укреплений на Истме. А между тем, если использовать все намеки, это произведение может помочь осветить гораздо большее число вопросов внутренней истории Византии в последний период ее существования, для которого вообще очень мало современных ему источников.

Краткое предисловие не может, конечно, дать всестороннего анализа предлагаемой здесь сатиры, исчерпывающей оценки всех исторических данных, заключенных в ней; мы вынуждены ограничиться лишь общими сведениями, необходимыми для оценки ее как литературного и исторического памятника.

Первая часть «Пребывания Мазариса в подземном царстве», несмотря на заголовок «Разговор мертвых» (*Διάλογος νεκρικών*), представляет собою по форме не диалог, а связный рассказ самого автора, в котором, как в ораторской речи, появляется иногда обращение к слушателям (*ὦ παρῶντες* или *ὦ ἀνδρες*). Однако действия в «Мазарисе» мало, и преобладает изложение разговоров Мазариса с различными лицами в загробном царстве. Во второй части, озаглавленной «Сновидение после возвращения на землю», передается разговор Мазариса с Голоболом, явившимся ему во сне. Третья часть содержит три письма: 1) Мазариса из Пелопоннеса Голоболу в Аид; 2) Голобола врачу Никифору Дуке Палеологу Калаке (по берлинской рукописи — Малаке) из Аида в Пелопоннес; 3) ответ последнего. Эта часть также лишь очень условно может быть названа диалогом.

Как большинство византийских сатир, это произведение анонимно, но, в отличие от многих других, время его создания не вызывает сомнений. О нем говорят совершенно точные указания в тексте в виде дат и намеков на известные события.

В «Пребывании Мазариса в подземном царстве» неоднократно упоминается (в гл. 6 и 19) путешествие императора «в Италию, Галлию и вплоть до самой Британии». Совершенно очевидно, что речь идет о путешествии 1399—1402 гг., так как ни до, ни после Мануила II византийские императоры так далеко не ездили. Да и к какому другому императору в последние века существования Византийской империи могли относиться следующие слова: «благороднейший и всевысочайший, непобедимый самодержец, ... заставивший взволноваться и

⁶ Е. Э. Липшиц. Предисловие к переводу византийской сатиры „Тимарион“. ВВ, VI, 1953; В. С. Шандровская. Византийская басня „Рассказ о четвероногих“. ВВ, IX, 1956.

⁷ А. А. Васильев. Путешествие императора Мануила Палеолога. ЖМНП, ч. 39, 1912, май—июнь; D. A. Zakythinos. Le despotat grec de Morée. Paris, 1932; F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter, Bd. 1—2. Stuttgart, 1889 и др.

дрожать души сатрапов от Востока до Запада, который своими деяниями навел страх и ужас на всех своих врагов»? (гл. 24). При всей неумеренности византийских риторических похвал только Мануил, на долю которого достался случайный и временный успех, мог быть назван «неусыпным стражем ромеев, Гераклом нынешнего времени» (гл. 23), и можно было говорить о «падении» только одного «проклятого сатрапа» — Баязида, и только после 1402 г. Таким образом, упомянутые в сатире 7 и 9 индикты соответствуют 1414 и 1415 гг. по нашему календарю⁸. Несмотря на то, что датируются здесь подчас такие совершенно фантастические события, как шествие Мазариса живым в загробное царство (январь 7-го индикта, т. е. 1414 г.) или письмо Мазариса из Пелопоннеса в Анд Голоболу (21 сентября 9-го индикта, т. е. 1415 г.), эти даты не вызывают сомнений, так как вполне согласуются с теми реальными событиями, которые упоминаются в его «потусторонних» письмах и разговорах и находят себе подтверждение в других источниках. Например, об отъезде Мануила из Константинополя на о. Фасос 25 июля 7-го индикта (т. е. 1414 г.) говорится в хрониках того времени⁹. А о постройке оборонительных сооружений на Истме и о борьбе императора с местными топархами рассказывают Сфрандзи и Халкокондил¹⁰. Такая точность сразу вселяет в читателя доверие к характеристикам и мнениям писателя и проливает свет на его личность.

Произведение охватывает почти двухлетний период (с января 1414 г. по октябрь 1415 г.) и содержит упоминания о ряде событий предшествующих лет. Это был период временного затишья на востоке Европы.

В конце XIV в. турки-османы быстро продвигались на запад, завоевав всю Малую Азию и значительную часть Балканского полуострова и подступив к самым стенам Константинополя. Византийский император, в руках которого оставались только деспотат Мистры в Пелопоннесе, некоторые острова в северной части Эгейского моря и ближайшие к столице области, превратился в данника султана и подвергался различным унижениям. Например, Иоанн V Палеолог должен был срыть воздвигнутые им новые укрепления Константинополя под угрозой ослепления его сына Мануила, находившегося при дворе султана Баязида в качестве заложника.

Первые семь лет своего царствования император Мануил II Палеолог (1391—1425 гг.) провел в блокированном султаном Баязидом Константинополе. Ему пришлось просить помощи на Западе. Но после поражения крестоносцев во главе с венгерским королем Сигизмундом при Никополе (1396 г.), после того как турецкие полчища дошли до Штирии, потрясенная Европа могла оказать только незначительную помощь. При содействии небольшого отряда, присланного Францией, император Мануил мог лишь несколько отодвинуть турецкие войска от Константинополя. Но этого было слишком мало. Для того, чтобы побудить западных государей к более решительным действиям, в конце 1399 г. император Мануил отправился со свитой на Запад, оставив в Константинополе своим заместителем племянника Иоанна. Он посетил Венецию, Милан, Лондон, дважды был в Париже, где ему была назначена ежегодная субсидия. «Он много видел торжеств в его честь, много выслушал обещаний, но собрал мало денег и людей»¹¹. Спасе-

⁸ В Византии год начинался 1 сентября. О датах „Мазариса“ см. М. Треу. *Mazaris und Holobolos*. BZ, 1, 1892, S. 88—89.

⁹ *Phrantzes. Annales*. Bonnae, 1838, p. 96; *Ducas. Historia byzantina*. Bonnae, 1834, p. 102.

¹⁰ *Phrantzes*, p. 107—108; *Chalcocondylas. Historiarum libri X*. Bonnae, 1843, p. 183—184.

¹¹ Ф. И. Успенский. *История Византийской империи*, т. III. М.—Л., 1948, стр. 760.

ние или, вернее, отсрочка полной гибели для Византии пришла неожиданно с Востока. В это время (июль 1402 г.) Тамерлан разбил под Анкарой османских турок, а султана Баязида взял в плен, где тот вскоре умер. И хотя Тамерлан не остался в Малой Азии, а ушел назад на Восток, Османское государство долго не могло окрепнуть. Сыновья Баязида вели между собой усобицы, чем и воспользовался византийский император, вернувшийся к тому времени в Константинополь. Получив временную передышку, он предпринял объезд империи в целях укрепления границ и усиления своей власти.

Вполне вероятно, что писался «Мазарис» в то же время, о котором речь идет в тексте сатиры. Промежуток в 14 месяцев, отделяющий первую часть от «Сновидения», очевидно, соответствовал перерыву в работе. Интересные данные содержит письмо, имеющееся только в берлинской рукописи. В нем автор просит императора познакомиться с его творением на корабле, чтобы скоротать время при скучном путешествии по морю и, главное, не показывать его пелопоннесцам, чтобы не навлечь их гнева на автора. Отсюда становится ясно, что сатира была вручена императору при отъезде его в Константинополь, автор же оставался в Пелопоннесе.

Кто же он был, этот творец поздневизантийской сатиры? Принято считать, что автор сатиры выводит себя под именем Мазариса. Если допустить, что имя автора совпадает с именем главного действующего лица, то, казалось бы, вопрос об авторе этой сатиры можно считать решенным. Но дело в том, что в истории византийской литературы известно несколько человек, носивших это имя, и, следовательно, пришлось всех их поочередно сопоставить с сатириком. Однако ни одного из них нельзя с полной уверенностью идентифицировать с нашим автором. Наиболее вероятным представляется предположение Спиридона Ламброса¹², что автором сатиры является монах Иверского монастыря на Афоне Максим Мазарис, который жил там между 1389 и 1403 гг. и которого Дюканж считает автором ряда алфавитных канонов. Но и оно отпадает, если вспомнить, что автор сатиры в 1414—1417 гг. был придворным чиновником и семейным человеком, считавшим женитьбу началом всех своих несчастий (гл. 12) и постоянно заботившимся о своем благосостоянии, что неудобно было делать (или во всяком случае говорить) монаху.

Вот что писатель сообщает о себе сам: он был жителем Константинополя; во время эпидемии, свирепствовавшей в столице, он, больной, был оставлен всеми близкими. Пока он спал, кто-то похитил его и доставил в Аид. Из его разговоров с покойниками выясняется, что ему известны в Константинополе многие лица из среды среднего чиновничества и интеллигенции (переводчик, певец-рапсод, музыкальный корифей и т. п.). Голобол, врач и императорский секретарь, давно уже пребывающий в загробном царстве, называет его своим товарищем, и сам Мазарис утверждает, что он весьма опытен в искусстве составления государственных документов. Он вполне образованный человек. На это указывает уже тот факт, что он взялся за перо и в своем произведении постоянно цитирует Гомера, Гесиода и Аристофана. Об этом же свидетельствует его чуткость к языку (он боится, что скоро начнет говорить «по-варварски», как говорят лаконцы, если дольше останется в Спарте).

Мазарис постоянно жалуется на бедность, несчастья, «недостаток во всем», бесславие, немилость владыки. Из загробного царства он, по совету Голобола, направляется в Морею, где якобы можно легко и быстро

¹² Sp. Lambros. Mazaris und seine Werke. BZ, 5, 1896.

достичь богатства и почета, которых ему так недостает. Вполне вероятно, что и в действительности Мазарис переселился из Константинополя в Пелопоннес, но, конечно, минуя царство Аида. Но и там его ждало разочарование. Ему, очевидно, не удалось выполнить совет Голобола и «пристроиться около одного из тех, которые находятся при дворе Порфирородного» и от которых зависят «все блага». В случае неудачи на императорской службе он готов уехать из пределов империи и стать врачом или учителем где-нибудь в Кефалонии.

Все это дает основание считать, что автор сатиры принадлежал отнюдь не к высшему чиновничеству и сам знал нужду. По византийской табели о рангах он, очевидно, стоял ниже Голобола, который прибыл в Пелопоннес в свите императора и получал там большие деньги за составление высочайших приказов и «на остальное не обращал внимания» (гл. 20).

Мазарис, по признанию Голобола, оказался гораздо «более внимательным наблюдателем», чем он сам. Он может многое рассказать о жизни на Пелопоннесе, и в этих сведениях основная ценность произведения.

Интересно уже самое его внимание к Морее, где «Мануил и его современники рассчитывали создать себе последнее убежище на случай падения Константинополя»¹³. Это говорит о правильной оценке Мазарисом положения в империи. Разное отношение к пелопоннесским делам у него и у Голобола можно объяснить не только разницей в их социальном положении, но и тем, что посетили они Морю в разное время.

Голоболу Пелопоннес показался страной благоденствия, когда он «прибыл туда с благороднейшим самодержцем» (гл. 20). Из текста сатиры известно, что Голобол входил в состав свиты Мануила II Палеолога, когда тот отправился в Западную Европу. В какой же из приездов императора полуостров производил такое впечатление? Едва ли это могло быть в 1400 г. на пути в Италию, когда Морю не оправилась еще от потрясений предшествующих лет. После битвы под Никополем турки появились в Морее. Здесь они разрушали города, угоняли тысячи пленных, заставили деспота Феодора и западных владетелей признать себя данниками султана. Гордый Палеолог, не добившись помощи от Венеции, которая не желала ссориться с турками, бежал на Родос к иоаннитам. Несколько иную картину застают император и его свита, остановившись в Пелопоннесе на обратном пути в Константинополь (весной 1403 г.).

Благодаря поражению турок при Анкаре улучшилось общее положение в Византии. Пользуясь этим, деспот Феодор, вернувшийся в Мистру, стал продолжать когда-то успешно начатое расширение своих владений. Полученный благодаря выгодному династическому браку Коринф он продал родосским рыцарям в момент страшной турецкой опасности, не будучи сам в состоянии защищать своих подданных. Теперь же он добивался его возвращения, подчинил себе мятежную Монемвасию, возобновил претензии на Навплию и Аргос, из-за которых шли постоянные споры с Венецией, совершал набеги и на другие владения Республики и на земли франков, используя усиливавшуюся в них феодальную раздробленность. Смерть в 1407 г. оборвала его активную внешнюю политику, целью которой было объединить весь Пелопоннес под своей властью.

Совершенно очевидно, что обстановка в Пелопоннесе во время второго приезда Мануила была более благоприятной. К тому же Голобол, как он сам рассказывает Мазарису, только в Италии стал единственным секретарем императора и, следовательно, лишь в этот приезд мог взимать высокую плату за составление грамот и пользоваться у них почетом (гл. 20).

¹³ Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 763.

Мазарис встретился с императором в Морее в 1415—1416 гг., когда последний прибыл туда для строительства оборонительных сооружений. Положение дел на полуострове к тому времени опять ухудшилось. Отсутствии турецкой опасности отрицательно сказалось на отношениях с Венецией, усилило центробежные силы в деспотате. Споспобствовала этому и слабость малолетнего деспота Феодора II, сына Мануила II, занявшего престол своего дяди, умершего бездетным. Пелопоннес, наряду с Малой Азией, был центром крупного феодального землевладения в Византии и раньше, а сейчас политическая неустойчивость, влияние Латинской империи еще больше способствовали созданию огромных земельных наделов. Кантакузины, Софианы, Мелиссины (в Мессении), Мамона (в Монемавасии) чувствовали себя вполне независимыми сеньорами и далеко не всегда находились в хороших отношениях с центральным правительством. Венеция, боявшаяся создания крепкого государства в Пелопоннесе, своей политикой раздувала противоречия между ними, ослабляла экономику деспотата, и без того подорванную турецкими набегами. Пользуясь привилегиями, она вытесняла с рынков греческих купцов, торговавших местными продуктами: вином, шелком, виноградом, коринкой. На венецианской территории находили убежище крестьяне, бежавшие от тягот византийской налоговой системы. Венеция, сама нуждавшаяся в рабочих руках, не выдавала их грекам, несмотря на дипломатические переговоры об их возвращении (1415—1418 гг.). Земли пустовали, повинности выполнять было некому.

Не удивительно, что Мазарису не понравилось в Пелопоннесе. Кроме того, ему не повезло и в его собственных делах в этой разоренной стране. Он так и не добился ни почета, ни богатства, но продолжал терпеть нужду во всем.

Отзывы многих современников сходны с оценкой Мазариса. Ритор Димитрий Кидонис из Фессалоники, удивляясь, как Плифон может жить в Спарте, писал ему: «Города и законы исчезли здесь, и добродетель стала позором»¹⁴. Итальянский гуманист Франческо Филельфо, проживший семь лет в Греции, тоже считает, что в Пелопоннесе не осталось «ничего достойного похвалы», что теперь полуостров «вследствие постоянных варварских нашествий и лености жителей» лишен прежних богатств и знаменитых мужей¹⁵. И даже великий византийский гуманист и утопист Георгий Гемист Плифон, современник Мазариса, предлагая императору Мануилу в 1415 г. во время посещения Морее произвести социальные и политические реформы в деспотате, тем самым тоже признавал неблагоприятным положение дел в этой важнейшей части империи. Но его оценка местного населения резко отличается от оценки сатирика. С точки зрения филеллина Плифона самые великие и славные деяния совершались выходцами из Пелопоннеса, которым всегда владели греки, а сменявшие друг друга пришельцы так и не захватили полуостров¹⁶. При дворе морейского деспота Плифон сумел создать «культурный очаг, вокруг которого группировались образованные греки, ученые, софисты, придворные», он стал «духовным центром возрождавшегося эллинизма»¹⁷.

Для характеристики взглядов Мазариса весьма интересен тот факт, что он умолчал о кружке Плифона и его настроениях. Автор сатиры, очевидно,

¹⁴ Цит. по К. Sathas. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge, t. IV. Paris. 1883, p. XXXV. Многочисленные высказывания Мазариса о Пелопоннесе и пелопоннесцах сосредоточены в основном в гл. 19 и 20.

¹⁵ Цитирую по статье С. Alexandre в книге Pléthon. Traité de lois. Paris, 1858, p. XX.

¹⁶ Pléthonis Oratio I, 2—3.

¹⁷ А. А. Васильев. Падение Византии. Л., 1925, стр. 63.

не принадлежал к этому избранному обществу. На тех ступенях социальной лестницы, где стоял он, ничего подобного не было. Окружающие кажутся ему грубыми, жестокими варварами, забывшими бога, не признающими законов, не умеющими даже правильно говорить по-гречески (гл. 19), неверными своему государю, преисполненными всяких пороков (гл. 21—22), одно перечисление которых занимает почти две страницы.

Этнический состав населения Пелопоннеса сатирик считает очень пестрым (в отличие от Плифона, по мнению которого пелопоннесцы — самый чистый тип греческого народа, прямые потомки древних спартанцев). На основании выводов современной науки необходимо признать, что ближе к истине стоит Мазарис, который насчитывает там семь основных народностей: *италийцы*, т. е. франки, осевшие там после IV крестового похода; *славяне*, начавшие заселять Пелопоннес в VI в., оказавшие сильное влияние на общественный строй Византии и еще в XV в. занимавшие там видное место — например, племя трибалов, как указывает Халкокондил¹⁸, жило в горах Тайгета и у Тенара, а венецианские документы называли некоторые районы Пелопоннеса *Zachonia vel Slavonia*¹⁹; *иллирийцы*, т. е. албанцы, которых пригласил в Пелопоннес деспот Феодор I после падения державы Стефана Душана для заселения пустыющих земель и пополнения своей армии²⁰; *иудеи*; *египтяне*, т. е. цыгане; *пелопоннесцы*, которых вслед за А. А. Васильевым²¹ мы можем считать византийским (ромейским) населением городов и морского побережья, и *лакедемоняне*, которых Мазарис в другом месте (гл. 19) называет лаконцами или цакоцами. Такое пояснение самого автора помогает точнее понять термин «цаконец», получивший много толкований в литературе. Под ним, очевидно, следует подразумевать не славян, а древнейшее население Лаконии.

Однако не всегда Мазарис так строго придерживался исторической правды. При описании оборонительных сооружений на Истме он, чрезмерно увлекшись восхвалением императора, утверждает, что до Мануила II «ни один император даже во сне не мечтал» об укреплении стенами этого «открытого и ставшего доступным для всех» перешейка (гл. 23). А между тем, по сведениям Сфрандзи²², на месте строительства была обнаружена мраморная плита, надпись на которой говорила, что уже император Юстиниан возводил здесь стены. Турецкая опасность в конце XIV в. заставила греков, иоаннитов и венецианцев позаботиться об укреплении Истма. Следовательно, Мануил II не был пионером в деле защиты Пелопоннеса от вражеских нашествий. Но ему удалось довести это дело до конца, причем в очень короткий срок. Цель этого строительства одобралась всеми. Размах и темп его вызывали восхищение не только Мазариса, но и других современников²³. За 25 дней была построена стена «от моря до моря» в ширину всего Истмийского перешейка со 153 башнями и двумя крепостями²⁴. Называлась она Гексамилон. Венецианцы, ссылаясь на то, что война с турками истощила все их силы, фактически отказались принять участие в строительстве и даже в обороне стен, хотя они защищали и венецианские владения

¹⁸ Chalcocondylas, p. 35.

¹⁹ K. Sathas. Documents ... t. 1. Paris, 1880, p. 298.

²⁰ Manuelis Oratio funebris. PG, t. 156, col. 212—213.

²¹ А. А. Васильев. Славяне в Греции. ВВ, V, 1898, стр. 433.

²² Phrantzes, p. 107—108. Возведение Юстинианом стен подтверждается и у Халкокондила (p. 184).

²³ Кроме уже указанных, Plethonis Oratio I, 5.

²⁴ Phrantzes, p. 108; Chalcocondylas, p. 184.

в Морею. В этом проявилась обычная двойственность политики Венеции²⁵. При наличии нескольких суверенных владений в Пелопоннесе император вынужден был один производить затраты на оборону полуострова. В осуществлении этого огромного по тем временам строительства Мануил обязал принимать участие всех архонтов Мореи. Это послужило поводом для оппозиционных выступлений пелопоннесских топархов, которые, не будучи сами заинтересованы в укреплении и обороне государства, стали оказывать императору яростное сопротивление. Говоря о них, Мазарис применяет глагол ἐναντιότης, что не оставляет сомнения в характере их сопротивления. Это было самое настоящее восстание феодалов против императора, вынужденного также открыть военные действия. Упоминание, правда очень сухое, о таком весьма интересном в истории византийского феодализма факте есть и у Халкокондила, из произведения которого мы узнаем также, что это восстание кончилось поражением топархов и отправкой зачинщиков в Константинополь²⁶. Состав участников мятежа остается, к сожалению, неизвестным. Мазарис, правда, упоминает «вооруженного серпом» Геллеавурка, очевидно, вождя мятежников, но лишь вскользь, другие же источники совсем никаких сведений о мятежниках не дают.

Позиция самого Мазариса в этом деле не оставляет никаких сомнений. Он враг феодальной раздробленности, возмущающийся поведением этих «смертью дышащих топархов», «неверных по отношению к императору и деспотам». Эти топархи «радовались сражениям и беспорядкам» и «каждый из них заботился только о создании собственной тирании». Симпатии же его на стороне императора, его он, помимо обычных титулов и эпитетов, называет «благодетелем и спасителем», «вождем и хранителем». Его деяния он ставит выше подвигов Геракла, считает нужным «славить и возвеличивать» его. Автор сатиры негодует на сепаратизм и непокорность архонтов, которые не выполняют приказаний самодержца и даже покушаются на его жизнь. И это не простая лесть, но отчетливое понимание того, что государство может найти спасение только в усилении центрального правительства.

Приверженность Мазариса к крепкой императорской власти проявляется не только в том, что он возмущается неверностью коварных топархов. Он бесспорно одобряет все действия, направленные на восстановление единства империи и ее прежних границ. Ему импонирует, что император за три месяца подчинил себе «мятежный остров Фасос». Этот факт подтверждает и Сфрандзи²⁷. Однако почему императору пришлось подчинить себе этот остров, входивший всегда в состав империи, историк не объясняет. В 15-й главе сатиры упоминается покупка Фасоса неким Раулем Мирмеком, зятем константинопольского чиновника Мускарена, которого автор называет Иудой Искаротом, «склонным к латинству, противником символа веры». На основании этого можно заключить, что с точки зрения автора эта операция была предательством по отношению к империи. Другие источники о продаже Фасоса ничего не говорят, но купля-продажа городов и областей была обычным для того времени явлением. Деспот Феодор I продал иоаннитам в 1400 г. Коринф и Мистру, а старший сын императора Мануила Андроник, будучи правителем Фессалоники, продал ее венецианцам в 1423 г.²⁸ Известно, что продажа Мистры вызвала недоволь-

²⁵ Невольно венецианцы оказались самыми дальновидными. Стена не принесла пользы. Уже в мае 1423 г. янычары легко преодолели ее и ворвались в Морею. Греки напрасно надеялись, что, как и во времена персов, такая преграда сделает Пелопоннес недоступным для врагов.

²⁶ Chalcocondylas, p. 184.

²⁷ Phrantzes, p. 96.

²⁸ Ibid., p. 122.

ство ее жителей, которые фактически не допустили туда родосских рыцарей, отстаивая свою национальную самостоятельность²⁹. О народных волнениях Мазарис, конечно, умалчивает, но его замечания о войнах на Фасосе, эпитет «мятежный», применяемый к этому острову, позволяет предполагать, что и тамошнее население не пожелало склониться перед новым владыкой франкского, как показывает его имя Рауль, происхождения. И император, опираясь на народ, смог силой сломить сопротивление сепаратистски настроенных феодалов.

Мазарис подчеркивает, что он всегда был последовательным сторонником императора Мануила. Даже в самые трудные годы он, в отличие от многих других столичных чиновников всех рангов, не использовал в своекорыстных целях вражду между Мануилом II и его племянником Иоанном, давно стремившимся к византийскому престолу при поддержке турок, надевшихся на его сговорчивость. В Константинополе у Иоанна было немало сторонников из числа таких же, как он, соглашателей, готовых ценой уступок туркам купить себе освобождение от бедствий осады.

Некоторые эпизоды сатиры проливают дополнительный свет на взаимоотношения двух претендентов на престол, показывают, что их примирение, состоявшееся перед отъездом Мануила в Европу, было чисто внешним, что вражда продолжалась и влекла за собой раскол среди их приближенных. Эти внутренние раздоры увеличивали трудности внешнего положения империи, лишали ее твердой опоры среди других государств.

Официально Генуя и Венеция были союзниками византийского императора, но на деле Генуя из торгового соперничества с республикой св. Марка почти открыто поддерживала притязания Иоанна. Подеста генуэзской Галаты, как показывает Мазарис (гл. 15), был настолько неверен императору, что по внушению какого-то изменника из числа придворных сбросил на землю императорское знамя, торопясь использовать пошатнувшееся положение Мануила. Когда же его надежды на возвышение Иоанна не оправдались, он опять водворил знамя на прежнее место «с великой честью».

Во время путешествия императора Мануила в Европу, Мазарис сначала находился в его свите и доехал с императором до о. Лемноса, где был обманом брошен Голоболом, побоявшимся соперничества своего друга в должности императорского секретаря (гл. 19). Но даже и тогда Мазарис не нарушил присяги и не перешел на службу к сопернику императора, хотя, если судить по поведению другого бывшего секретаря, Падиата (гл. 10), на Лемнос (где после возвращения Мануила из Европы находился Иоанн³⁰) уезжали те, которые считали себя обиженными императором. Непокоримая преданность Мазариса государю стала источником его несчастья: он лишился своего богатства и положения при дворе (гл. 11) по наговорам тех лиц, которые, как можно предположить, старались подслужиться к Иоанну, пользуясь отсутствием императора.

В первой части сатиры, содержание которой составляют бесчисленные встречи и разговоры Мазариса с его константинопольскими знакомыми, оказавшимися, как и он, в Аиде, мы видим другую сторону его монархических взглядов. Если в отношении к пелопоннесским топархам он показал себя идейным сторонником сильной императорской власти, то здесь в нем ощущается придворный, который выше всего ставит служение особе монарха, завидует его приближенным, не понимает тех, кто

²⁹ Phrantzes, p. 63; Chalcocondylas, p. 97—98.

³⁰ Ducas, p. 78.

отказывается от чести бывать во дворце. С презрением говорит он о сыне придворного певца Лампадария, который тоже мог бы услаждать своим пением особу императора, но предпочитает петь в кабаках дурацкие песни с рабами и пьяницами (гл. 17). Сочувственно выслушивая проклятия, посылаемые Голоболом в адрес его удачливого соперника Филомматея «из рода злых ангелов», он вместе с тем полностью приводит слова Падиата, характеризующего нового секретаря как образцового царедворца знатного происхождения, ловко владеющего оружием, умелого дипломата (он ездил с посольством к сатрапам), трудолюбивого секретаря, обласканного государем (гл. 8). Описание его занятий и образа жизни дает интересный штрих для характеристики быта того времени. Необходимо отметить, что Филомматей, очевидно, — лицо историческое. Сфрандзи³¹ называет γραμματικόν Ἀγγέλον τὸν Φιλομμάτην в числе членов посольства, отправленного к султану Амурату в 1421 г. Мазарис упоминает, конечно, о каком-то другом, более раннем дипломатическом поручении.

Социальный состав персонажей сатиры показателен для воззрений ее автора, так же как и отношение его к разным общественным группам. Напрасно было бы искать на страницах этого произведения представителей народа. Автор с презрением говорит о низком происхождении Голобола. Высшие и особенно средние слои общества представлены здесь значительно полнее. Не вызывает сомнений его резко отрицательное отношение к монахам, чья ряса, по мнению сатирика, служит лишь для прикрытия пороков.

Среди нескольких десятков действующих или упомянутых в сатире лиц только четверо могут быть названы положительными героями. Все они занимают самое высокое положение. Если верить автору, то, кроме императора, деспота Мистры и его самого, в Византии оставался один честный и надежный человек — это самый могущественный и богатый из придворных деспота Эвдаймон. Документы и хроники того времени подтверждают, что в Морее была семья, носившая такое имя. Николай Эвдаймон, по документам Эвдаймонианни, между 1415 и 1420 гг. неоднократно ездил в Венецию по поручению деспота и императора. Софиан Эвдаймон Иоани стал министром при деспоте Константине Палеологе³². Ни о ком другом из своих героев не сказал Мазарис ни единого доброго слова. По его наблюдениям, тела всех жителей Аида покрыты рубцами, свидетельствующими о количестве их преступлений; у живых подданных императора духовные качества оказываются не лучше. Все они порочны или запятнаны преступлениями. Все же в этой черной краске, которой нарисованы почти все образы, есть оттенки. Основных действующих лиц можно разделить на две группы; из них пелопоннесские топархи изображены более зло и резко, чем константинопольские чиновники. Первые никак не дифференцируются, конкретных имен, выпуклых образов в той части сатиры, которая посвящена Морее, почти нет. Сатира получается обезличенной. Объяснение этому явлению мы находим в заключительном письме к императору: Мазарис, сам живя в Пелопоннесе, боится задеть его жителей и просит императора прочитать его произведение уже после отплытия в Константинополь. Естественно, что более всего он опасается вызвать гнев какого-нибудь лица, слишком прозрачно выведенного в сатире. В большинстве случаев автор не показывает морейских топархов, а только перечисляет их отрицательные качества, вызывающие его негодование. Среди этих качеств первое место занимают неверность императору, сепаратизм и стремление «к собственной тирании».

³¹ Phrantzes, p. 116.

³² Ibid., p. 200.

Константинопольская бюрократия представлена многими лицами, из которых одни уже пребывают в загробном мире и встречаются там с Мазарисом, других же только еще ожидают в Аиде их родственники и знакомые, а пока расспрашивают о них только что расставшегося с земной жизнью Мазариса. Образы и характеристики этой группы лиц даны значительно более ярко, разнообразно, черты их индивидуализированы. Есть даже подробное описание внешности (гл. 2).

Бесконечной вереницей проходят перед читателем ханжи, распутные монахи, несправедливые судьи, лживые чиновники, кляузники, доносчики, воры, как Стафидак или Алексей, обокравший своего дядю Голобола, стяжавший себе к тому же славу жестокого сборщика налогов, вероотступники, перешедшие из-за выгоды в магометанство, как сын Клавдиота Айтина, или склонные к латинству, как Мускаран (интересно, что автор ставит их на одну доску), врачи, подносящие больным яд вместо лекарства (Пепагомен, Конон), развратные старики, вроде Антиоха, даже в загробном мире одержимые эротоманией. Их эгоизм и корыстолюбие доходят до выражения пожелания гибели всему государству ромеев в случае личных неудач (гл. 13). Друг и коллега Мазариса «почтенный Голобол», собиравшийся стать логофетом, но пренебрегший своими служебными обязанностями императорского секретаря ради низменных удовольствий, — еще лучший среди остальных. Сыновья этих ушедших из мира насквозь разложившихся людей оказываются, по их описаниям, еще хуже: они несут черты вырождения. Даже случайно упоминаемых лиц автор спешит снабдить эпитетами вроде «подлец», «пьяница», «жулик», «живой мертвец», «свихнувшийся», «красноречивый в устной и письменной брани». Заканчивая первую часть, сатирик указывает на то, что зависть всех и ко всем определяет поведение людей, толкает их на те или иные поступки.

Никакое другое произведение не дает более зловещей картины упадка и глубокого маразма, пронизывающего византийское общество, свидетельствующего о неизбежности краха империи. Как крысы с тонущего корабля, бегут чиновники из Константинополя, поступают на службу к валашским господам, где надеются приобрести состояние (гл. 18).

В сатире мы встречаем много собственных имен, причем большинство персонажей названы даже не в завуалированной форме, а совершенно прямо. Как показывают исследования, многие из этих лиц — реальные.

Не говоря уже о более крупных исторических фигурах, таких, как император Мануил, его племянник Иоанн, Эвдаймон и др., установлена подлинность имен Филомматея (см. выше), Потамия, Маникантая, Цамблакона, Булоты³³. В отношении некоторых других лиц, например Падиата, Голобола, существует неясность ввиду неопределенности данных источников. Для третьих вообще никаких параллелей установить не было возможности. Современники могли бы наверное узнать многих по отдельным штрихам, вспомнить собственные имена. Теперь же это сделать иногда совсем невозможно.

Но возникает вопрос, необходима ли кропотливая работа по расшифровке всех намеков и отождествлению всех персонажей с историческими лицами, как это делают Трой и некоторые другие буржуазные ученые. Большинство тех лиц, подлинность которых удалось установить по другим источникам, оставили столь незначительный след в истории, что они не могут ничего прибавить к нашим представлениям о взглядах Мазариса и о его среде. Очевидно, если будут расшифрованы и остальные мелкие детали, это не сможет внести принципиальных изменений в оценку сатиры.

³³ Ellissen. *Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur*. Bd. IV. Anmerkungen zum „Mazaris“; M. Treu. *Op. cit.*, p. 91—95.

Для стиля произведения характерны неумеренность в восхвалениях и порицаниях, повторения, многословие, хотя сам автор и заверяет, что он избегает «скучной многоречивости» (*μακρολογία*).

Мазарис обладает довольно скудным запасом художественных средств. Характеристики его односторонни, шутки однообразны, построены всегда на обыгрывании собственных имен, выражение чувств сводится к грубым потасовкам и брани, лишенной «аттической соли». «Мазарис» вышел, очевидно, из-под пера не очень искусного автора, не обладавшего тонким художественным вкусом. Это необходимо учитывать и при чтении русского перевода.

Композиция сатиры рыхлая. Она состоит из трех мало связанных между собою по сюжету и характеру изложения частей. Но это отчасти может зависеть и от различных целей, стоявших перед автором. Сам он по-разному определяет свои задачи. Первая часть сатиры заканчивается проникнутым искренним чувством заверением читателя, что написал он ее «более со слезами, чем ради смеха, больше для воспитания, чем для развлечения, более всерьез, чем в шутку». А в заключительном письме к императору он говорит, что написал «скорее для шутки, чем всерьез», выполняя «приказание твоего величества». Такое противоречие может быть объяснено тем, что, вручая императору свое произведение, Мазарис хотел смягчить суровость критики, хотя раньше надеялся, что резкий тон скорее поможет исправлению нравов, заставит людей острее почувствовать, как губельно для государства их своекорыстное и далекое от патриотизма поведение.

Трудно согласиться с Максом Трой³⁴, который считает, что Мазарис преследует чисто развлекательную цель, и с Тозером³⁵, полагающим, будто тон Мазариса определяется личной злобой и недоброжелательностью.

Жанр сатиры заставляет автора прибегать к некоторой гиперболизации, к тенденциозному подбору черт при характеристике действующих лиц, к перенесению места действия в фантастическую обстановку загробного мира. Но сопоставление с источниками показывает, что сатирик нигде не искажает действительности и в известной мере обогащает наши сведения по истории того времени некоторыми интересными деталями.

Основную ценность «Пребывания Мазариса в подземном царстве» мы видим в обличительном изображении византийского общества накануне падения империи.

Т. М. Соколова

РАЗГОВОР МЕРТВЫХ

Пребывание Мазариса в подземном царстве, или расспросы некоторых умерших о различных лицах, с которыми они встречались при императорском дворе

1. Недавно вторглась в Константинополь, уже не в первый раз, страшная болезнь, от которой не был предохранен ни один возраст, и только благодаря непрерывным молениям, возносимым святейшим первосвященником к богу, она, потеряв свою остроту, превратилась во флегмону легких; а если бы она в самом деле была моровой язвой, она уничтожила бы сплошь все население, подобно тому как раньше на островах она скосила всех.

³⁴ М. Трой. *Op. cit.*, 89, 90.

³⁵ Н. Тозер. *Byzantine satire*. JHS, t. II, 1881, p. 262.

И вот, когда такая болезнь надвинулась со всех сторон и одинаково, как я только что сказал, обрушилась на всех, вместе с другими она напала, люди добрые, и на меня с самой жестокой яростью и, как внезапная гроза с громом и молнией, она била и терзала в течение двадцати одного дня мое тело то непрерывным лихорадочным жаром, то внезапными судорогами, то головокружением с обмороками, то расслаблением суставов; меня постигли одна за другой различные боли, и все члены тела моего стали, по пословице, добычей мисян¹. И после сильного приступа, как я сказал, едва эта болезнь отпустила меня и я, выздоравливая, встал, как она снова охватила меня с такой силой, что против моего желания толкнула меня к самому порогу Аида. То, что я, прибыв туда, услышал от некоторых покойников и что я сам увидел за время своего короткого пребывания там, я, насколько могу, расскажу, добрые люди, всем вообще, но особенно тем, которые встречаются друг с другом в царском дворце. А в какие беды эта убийственная болезнь ввергла меня, лежащего на своем одре, и что против меня замыслили и предсказывали (вещие) птицы, выслушайте, прошу, теперь, тем более что, я знаю, вам будет интересно все это узнать, и будет правильно сначала рассказать вам, что было еще при жизни, а затем, — что произошло в царстве мертвых.

Так вот, когда я лежал на своем одре, эта болезнь не позволила никому из моих друзей, кроме страданий, прийти ко мне повидаться; вместо моих друзей и родственников она посылала ко мне в качестве послов галок и ворон, а вместо врачей — вестников смерти, воронов². Никто из всех моих друзей, как я сейчас сказал, не пришел навестить меня, пока я лежал в постели, так как и друзья и близкие мои, даже сами человекогубители³, лежали, закрывшись пятью косматыми шубами и тремя плащами, говоря словами комедии⁴, храпя, закутавшись и испуская ветры, как и я сам этим же страдал, лежа у себя. И тут-то появились эти птицы, то предсказывая мне смерть, то алчно каркая, стремясь растерзать мое несчастное, покрытое язвами тело с вывернутыми и расслабленными суставами, и при этом раньше, чем я расстанусь с едва теплившимися жалкими остатками жизни. И когда так уже порешили галки и вороны, а воронами, увы, была предназначена мне тяжкая, крутая и мучительная дорога в Аид, на другой день во сне я был похищен, не знаю кем, нагой ли или завернутый в саван из тонкого индийского полотна, — об этом я тоже не имею представления. И пусть никто не усомнится в моих словах, когда я рассказываю, что я видел такие чудеса в январе текущего седьмого индикта⁵. А если кто не поверит (да и думаю, что многие отнесутся к этому недоверчиво), пусть он бегом отправится в Аид, и если он и после этого не убедится, что я очень точно рассказываю, пусть он обвинит меня во лжи перед Миносом, Эаком и Радамантом, и пусть они судят меня и, как обычно, назначат мне наказание.

2. И вот, когда я был похищен глубокой ночью, как только что сказал, а слуги мои храпели в доме на своих постелях и даже не заметили, что случилось (со мною), я попал в большую и глубокую лощину, полную бесчисленного множества людей, не молодых и не старых, бывших как бы одного возраста, различающихся только выражением их лиц; но у каждого сохранился на лице отпечаток, наложенный прожитой им жизнью. Все

¹ Т. е. все было предоставлено на произвол врагов. Эта пословица цитируется Аристотелем, Демосфеном и др.

² Игра слов: χήρικας — вестников, κόρακας — воронов.

³ Обычное презрительное наименование врачей.

⁴ Ср. Аристофан. Облака, ст. 9—11.

⁵ Что соответствует 1414 году по нашему летосчислению.

они были нагими, одни — покрыты кровавыми рубцами и, по-моему, испещрены ими по числу их прегрешений, другие же были без этих рубцов, однако стояли не отдельно, а попеременно с ними. Когда я медленно продвигался с того места, куда я попал, мне повстречался человек в рубцах, поросший сзади черными волосами⁶, с большим и изогнутым, как у ястреба, носом, с остриженной головой и с окладистой бородой; он прилагал большое старание узнать все, что делается при дворе. Он, кажется, издали увидел, как я потихоньку шел прихрамывая, и бросился ко мне из толпы живших в этой долине, желая узнать, кто из служивших вместе с ним продолжает нести службу при императорском дворе, а кто вышел в отставку с наградой; он сгорал от честолюбия и зависти, его мысли были заняты только одним и направлены на то, чтобы узнать точно все, что делается среди живых. В этом я убедился по выражению его лица и по его вопросам, но особенно по его гневу и упрекам, по придирчивым расспросам, а также по тому, что он впоследствии сам рассказывал, чем интересовался и как выражал свое удивление по поводу услышанного.

Как только он со мной встретился, он прежде всего, смеясь, меня обнял, назвал по имени; затем, когда и я в свою очередь обнял его, он как бы с упреком спросил меня: «Чего ради, о несчастный, пришел ты в среду мертвых, в этот дол к воротам Аида, когда нить жизни еще не отрезана и Харон тебя сюда еще не позвал».

Он дает мне, в-третьих, хороший и полезный совет; ты не ошибся бы, назвав его советом Афины или Соломона. «Уходи, — сказал он, — дорогой мой, наверх к живым. Здесь никому нет дела до тебя, такого бедного и презренного человека, такого ничтожества; ведь сверх всего ты не предьявил и двух оболов за переправу с поверхности земли сюда, нарушив тем закон. Или ты думаешь, что такие грязные бедняки, как ты, имеют тут право разговаривать? Когда же ты сделаешься таким, как Хремил в комедии⁷, после того, как тебя схватят, хочешь ты того или не хочешь, вот тогда ты сможешь тут свободно говорить. А в таком положении, как теперь, отправляйся-ка ты со всем своим добром в Морею, набивай себе брюхо мясом и маслом, пшеничной мукой и нектаром, свиной и панафинейской похлебкой; ты там легко добьешься и почестей от жителей Пелопоннеса и, естественно, очень прославишься; у них ты и денег приобретешь достаточно. Затем наряду со всеми другими благами там ты встретишься с человеком самым разумным и глубокомысленным, по имени Эвдаймон⁸. Имя это ему очень подходит. Он — человек сильный, безгранично богатый, владец многих имений и могущественный, как никто другой из возвращающихся с ним при дворе порфиророжденного. Встретив такого благороднейшего человека, прилепись к нему и повинуйся ему, как самодержцу, чтобы исполниться и тебе самому и близким твоим великими благами. Не колеблясь, скажи ему такое слово: немного времени пройдет, и он окажется самым счастливым и прекрасным, самым славным из всех живущих там. И это передай ему скрытно; и когда ты будешь осыпан всеми этими благами и другими еще большими, как я только что сказал, и станешь богатым, тогда ты легко придешь в Аид и совершенно явно, а вовсе не так тайно, не таким воровским способом, как теперь, с вызывающей удивление толпой провожающих и с величайшей славой. И вот тогда-то

⁶ Это считалось в древности признаком силы и мужества.

⁷ Персонаж из комедии Аристофана „Богатство“, неожиданно разбогатевший по воле бога богатства.

⁸ Εὐδαίμων (блаженный, счастливый) — историческое лицо. См. предисловие.

и друзья твои, и близкие, даже врачи, как только услышат, что ты хвораешь, придут к тебе без всякого приглашения; равным образом жена и дети, твои слуги, одним словом, почти все будут плакать и печалиться о твоей смерти. И тогда путешествие в Аид будет стоить тебе немного трудов и хлопот; так как ведь, как говорят, в Лаконии находится Тенар⁹, а он расположен вблизи от входа в Аид, через который, как рассказывают, все умершие уводятся из жизни и спускаются в Аид; приготовь только тогда и ты перевозчику свои два обола и тогда без труда и забот радостно и весело ты придешь в царство смерти¹⁰, покинув страну глупости¹¹, так как, по Гомеру, смерть для тебя непреодолима, и если даже ты запрешься в маленький домик, ее ты не избежнешь».

3. Тут я, обрадованный и ошеломленный как тем, что он дал мне такой совет и сообщил мне такие новые и необычайные вещи, а также и тем, что, по его словам, я вновь воскресну и во второй раз умру, сказал ему: «Не ты ли тот чудесный Голобол, лучший секретарь великого и светлейшего императора, самый близкий мой сотоварищ, могучий оратор города Константина, прекраснейший из врачей, тот, о котором миртаит¹² Андроник пророчески говорил: «Э! Ты собираешься стать логофетом?»¹³.

И он, быстро кивнув, сказал мне: «Да».

И вот я вновь спросил его: «Почему, дорогой мой, ты стал таким? И как случилось, что ты живешь здесь нагой и покрытый кровавыми рубцами? Где все те блестящие шелковые белые одеяния, которыми недавно одарил тебя великий государь? Выступая в них, ты был подобен сыну государственного казначея».

При этих словах он опустил голову и, глубоко вздыхая при воспоминании о радостях прошлой жизни и кусая губы, пролил потоки слез. Затем, взяв меня за руку, он отвел меня в сторону; мы сели под тенистым лавром, так как я был утомлен длинной дорогой, а он задохнулся от стремительного бега, бросившись недавно мне навстречу; да он и побаивался, как бы кто-нибудь его не увидел. Прежде всего, прекратив свои слезы, он начал рассказывать вкратце о себе. Он рассказывал, как один из благородных при дворе, а именно рыцарь Цамблакон¹⁴, подло его обманул; как он, получив назначение, стал секретарем императора, а затем опять впал в прежнее свое несчастное положение; как это, по его словам, было злой судьбой для его больных (он, когда ему случалось лечить, многих спас от смерти), а теперь некоторые врачи не знают греческой медицинской науки, не считаются ни с Галеном, ни даже с Гиппократом, неосторожно и без должного внимания к своему искусству ведут лечение и, говоря словами Гомера, «многие души могучие славных героев [своих пациентов.—С. К.] низринул в мрачный Аид»¹⁵. Он рассказывает, как милостиво его принял святейший государь, как почтил его по заслугам, что и стало для него причиной несчастий. Он оставил свое врачебное искусство и, продолжая так жить, впал в прежнее бедственное состояние

⁹ Ныне мыс Матапан. Там находится пещера, сообщающаяся, по преданию, с Аидом. Через нее Геракл вывел Цербера. Упоминают о ней Павсаний (III, 25, 4) и Страбон (VIII, 5, 1).

¹⁰ Μῦρος, ὄ — смерть.

¹¹ Μῶρος, — глупый. Здесь игра слов, так как средневековое название Пелопоннеса Μορέα или Μορεία, в этом тексте — Μῶρα.

¹² Миртаит (или мирсаит) — высокий дворцовый чин.

¹³ Здесь, очевидно, имеется в виду великий логофет.

¹⁴ Τζαμπλάκωνες — известный в Пелопоннесе род, упоминаемый в документах XV в. и в „Хронике“ Георгия Сфрандзи (кн. IV, гл. 6). О каком именно представителе этого рода идет речь здесь, остается неизвестным.

¹⁵ „Илиада“, I, 3 (перевод Н. И. Гнедича).

(ведь государь стал тотчас же его, как и всякого вновь поступившего на службу, использовать для всякого рода услуг: и как опытного врача, и как искусного оратора, и как порядочного человека, и как умного и точного помощника секретаря, презренного болтуна Падиата). Затем он рассказал, как внезапно он стал богат благодаря составлению высочайших и важных хрисовулов и повелений; как, благодаря милостивому к нему отношению императора, он стал любим и почитаем и людьми знатными, и благонамеренными, и родственниками государя, а также людьми высокопоставленными, одним словом, — всеми; как он начал строить большой и очень красивый дом и как он его оставил неоконченным из-за одного случая; как он, мало-помалу проникнув в тайны государя, оказался в равном положении с придворными, удостоенный близости к императору и разговаривая с ним днем и ночью; он сопровождал его во время путешествия в Британию и Галлию и даже до самого океана; как он стал любим императором, а Падиат до тех пор полезный и пользовавшийся почетом, мало-помалу стал ненужным и даже вызывал неудовольствие; как он один имел право слушать и писать все бумаги, в том числе и секретные; как он одновременно стал и секретарем и советником, как он передавал тайные донесения и распоряжения; как он спустя немного времени стал надеяться, что он дойдет до звания великого логофета, если бы против него не повел тайных интриг Филоматей со сломанной ключицей.

4. Затем он стал говорить мне таинственно на ухо со слезами и стенаниями следующее: «Видишь, лучший из друзей, каким я был и каким я стал, в каком виде блуждаю я по Аиду». И я с сочувственным вздохом ответил ему: «Вижу».

И он, вновь начав свой рассказ, сказал приблизительно так: «Дорогой Мазарис, я расскажу тебе все это, как на исповеди, со всей откровенностью; но ты будь осторожен и сохрани все услышанное про себя». В ответ я сказал: «Ты скажешь это товарищу по несчастьям, который знает много тайн, друг мой; я сохраню и эту твою тайну, как свои».

И он так начал говорить: «И вот когда я собирался — горе мне! — там, во время земного пребывания, прожить свою жизнь полнее и лучше, чем я, несчастный, до сих пор жил, приобрести большое богатство, взять жену из высшей знати и закончить постройку своего блестящего и прекрасного дома, на меня свалились неожиданно и сразу четыре равно ужасных несчастья, которые и причинили мне тяжелую и страшную болезнь; как ты видишь, она-то и отправила меня до срока сюда, в царство Аида».

Тут я и сам вытер потоки слез из своих глаз и сказал ему: «Тебе не нужно было, бедный Голобол, бросаться мне навстречу, с первых же слов говорить мне об этом и перечислять свои беды, потому что все это я видел собственными глазами и слышал собственными ушами. Ведь я думал, что пребывание в Аиде должно быть лучше и менее печально, чем та жалкая жизнь, из которой я ушел и радостно последовал за тем, кто темною ночью до срока похитил меня. Но если и в Аиде положение дел такое же, как и в земной жизни, и ты испытал, как ты рассказываешь, много крупных неприятностей, то я опять хочу бежать на землю, ведь лучше там проводить время в безвестности и в бездействии, чем быть таким, каким я вижу тебя здесь перед собою. Но, кроме того, прошу тебя, раз ты дал мне полезный совет, подобно прорицателю из окруженного лавровой рощей святилища Аполлона, и побуждаешь меня идти в Морею, т. е. в Пелопоннес, расскажи мне, что представляют собою четыре причины, которые заставили тебя совершить это путешествие в Аид. Я очень хочу о них услышать».

Тогда он со стоном и бранью сказал мне: «Клянусь псом Кербером, проклятый обманщик и шпион, этого-то я и не хочу сделать из-за двух неприятностей; причем одна из них причинила бы мне еще больший вред, чем другая».

«Какие же неприятности или какой вред, — сказал я, — могут быть причинены тебе тут? Ведь ты уже мертв и пребываешь в пределах Аида. Я не могу представить себе, — прибавил я, — что бы это было такое».

«Эх ты, простофиля! Так значит ты этого не знаешь, ты, который раньше думал, что знаешь больше всех?»

«Так ты мне этого не скажешь, — снова заговорил я, — мне, любящему тебя и принимающему в тебе участие больше, чем в ком-либо другом? Именно это ты хочешь от меня скрыть?»

«Но ты знаешь, — продолжал он, — что если у тебя невольно вырвется хоть одно слово против твоих и моих товарищей, они все придут в волнение и будут меня проклинать, все те, кто совершил ужасные деяния».

«Не бойся этого, дорогой мой, — сказал я. — Я так буду хранить в себе все сказанное, как хранил ты сам это до сих пор. Но только посмотри, не скрывается ли кто в этих миртовых зарослях и не услышит ли он что-нибудь из сказанного тобою. Мне кажется, что они колеблются».

5. «Будь спокоен, — сказал он. — От толпы не отделился никто, кроме меня. Но выслушай от меня нечто более ужасное, чем раньше. Я лично, милый товарищ, очень боюсь великого Плутона и Персефоны; и горе мне, если они заметят, что я жалуюсь на одну из этих четырех вещей; они в виде жестокого и тяжелого наказания не дадут мне выпить воды из Леты, реки забвения, как мне обещали 30 дней тому назад, с тем, чтобы я забыл обо всем хорошем, чем я наслаждался в прежней жизни. Ведь память об этом точит тело день и ночь, как ядовитый червяк, и язвит душу того, кто не получает этой воды. Ведь это тяжелая пытка — помнить о былых удовольствиях. Да, это несказанное мучение, этот приговор горше всякого другого приговора, всякого другого наказания; он не только все ребра переломает, но истощает и все душевные силы. Что, может быть, ты думаешь, что судья в Аиде судит так же, как те, которые творят суд и расправу там, на земле?»

«А как же, — сказал я, — они судят в Аиде?»

«По справедливости, — сказал он, — не взирая на лица, неподкупно, не в силу расположения, не ради выгоды. Им не нужно ни свидетелей, ни обвинителей, ни доказательств, ни улик, ни каких-либо письменных документов; но все, что было совершено, тут же они проводят перед глазами преступников. И тут не так делается, что за преступление, которое совершает один, судят другого, но каждого судят за то, что сам совершил. А там, на земле, друг мой, творят суд совершенно иначе. Там судят в силу расположения, и особенно поддаваясь лести, они получают подарки с обеих тяжущихся сторон; справедливый погибает, а желательный приговор получают наиболее состоятельные, заплатившие больше других, а особенно люди сильные, многовластные и обладающие огромным богатством».

И вот я, пораженный всем этим, стал просить его сказать мне, что это за четыре дела, а также подробнее сообщить о здешних судьях. Он же, понимая, что я взволнован и что сомнения наполняют мою душу (так как я видел, что он то был благодушным, то вслед за этим крайне расстроенным), сказал: «Что ты стремишься узнать об этих четырех делах и почему ты никак не можешь забыть о них, но все время возвращаешься к ним и постоянно напоминаешь, ежечасно меня беспокоя? А сверх этого ты стремишься узнать и имена судей, хотя тебе надо было бы узнать о них при жизни».

«Но ты мне недавно обещал все это сказать, — возразил я ему. — Почему же теперь ты хочешь скрыть это от меня, мой дорогой?»

«Я не скрываю, — ответил он. — Но, как я недавно сказал, я боюсь, а потому всяким способом я стараюсь привести в замешательство твои мысли, чтобы ты не расспрашивал и не вмешивался нескромно во все те дела, которые причинят мне немалый вред».

«Расскажи мне об этом, — сказал я, — ради бога, и сам ты — в этом будет мне поручительницей сама правда — не подвергнешься беде, а мне по-дружески окажешь немалую услугу».

И вот, хотя и неохотно, однако все же уступив моей просьбе, он сел прямо и стал рассказывать; сначала он назвал земные имена судей, так как в Аиде их зовут иначе: одного зовут пропойцей, а не сыном мира, другого — вместителем бед, третьего — якорем преступников, а четвертого — хранителем невежества¹⁶. А затем он стал, наконец, говорить о своих четырех несчастьях.

6. «О ты, самый настойчивый вопрошатель! Узнай же: когда благодетельнейший император после падения того проклятого сатрапа¹⁷ вернулся в Константинополь из путешествия в Италию и Британию, жало разнужданности не позволило мне оставаться спокойным и сохранять благоразумие, оставаясь и дальше при императорском дворе, вращаясь в среде тех, которые пребывали в нем, выполняя, как раньше, приказания владыки; нечестивыми глазами посмотрел я на одну из монахинь, которую уже тысячи перещупали, мою старинную приятельницу; тут я опять воспыла к ней любовью или, правильнее сказать, был ею околдован, и дни и ночи я валандался в ее грязном теле. Когда же светлейший государь велел искать меня неведомо сколько часов, чтобы я написал его указы; и меня нигде нельзя было найти, он, рассердившись, наказал меня своею немилостью, сделал моим заместителем и соперником Филомматея из племени злых ангелов¹⁸. Как сильно всем этим был я огорчен и как я старался отстранить своего противника и при помощи людей, бывших в центре всех дел¹⁹, и людей, выдающихся своей добродетелью и живущих в благочестии, святых и родовитых, думаю, не стоит рассказывать во всех подробностях, так как и я сам избегаю скучной многоречивости, да и по времени надо торопиться. Я скажу только одно: раздражение и огорчение, причиняемые моим соперником, бесконечное уныние, которое мной владело и днем и ночью, очень рано, как ты видишь, направили меня в царство Аида. И из четырех бед это была первая, друг мой. Затем мне пришлось иметь дело с этими прославленными святошами, или, наоборот, с вонючим гноем под белым покровом²⁰, чтобы они меня вновь вернули владыке, каким я был прежде, без соперника (ведь государь, как никто другой, склонял к ним свой слух). Но один из них обжулил меня. Причем он был из рода, считавшегося непреложной честности и непреклонного благочестия, хотя и забирал себе имущество многих. Угощая меня каждый день диким салатом, цикорием и мятыми маслинами, он то плакал, как крокодил, то стонал, как хамелеон, то, как Протей, или скорее, как осьминог, показывался все в новых красках; и вот еще, подражая приманкам рыбаков, он завлек меня,

¹⁶ За этими прозвищами скрываются, конечно, неизвестные нам имена и титулы каких-то реальных лиц.

¹⁷ Султана Баязида.

¹⁸ Такой эпитет позволяет считать это лицо представителем знатной фамилии Ангелов (см. предисловие).

¹⁹ διὰ μεσαζόντων. См. Du Cange. Gloss., p. 209.

²⁰ ξαντούς ύπούλους; если выкинуть средние буквы, то получится Ξαντοπούλους — собственное имя Ксантопулов, одной из очень крупных и известных семей в Византии.

столь черствого (прежде) и непреклонного, и сделал меня мягче олова и даже воска. И мало-помалу я уступил его желаниям и назначил его письменно бдительным хранителем всех моих тайных и явных богатств. Я и теперь еще не могу думать во всем этом без слез, воспоминание, как ядовитый червь, ежечасно терзает мое сердце. А вот третье: когда подлый вор, мой племянник, этот чортов Алексей²¹, увидел меня охваченным и обесиленным этой ужасной болезнью, он пришел ко мне в дом и, так как все хлопотали около меня, велел унести к себе конскую сбрую, верхние одеяния, книги, оружие, посуду, кресла, платье, ковры и много всяких других вещей вплоть до деревянных гвоздей. Если бы я мог его захватить, я бы откусил у него нос, чтобы сделать его явным и меченым вором даже для тех, кто живет в Аиде, чтобы не крал он, как гробокопатель, саваны у мертвых. А вот и четвертая неприятность: когда непобедимый самодержец услышал от запятанных кровью человекоубийц²², что мне нет никакого спасения, опасаясь, как бы мой племянник, этот чортов Алексей, не украл и хрисовулы и высочайшие распоряжения, частью уже подписанные пурпурными буквами, частью же без этого, а также и шкатулку, находившуюся у меня на хранении, в которой были собраны высказывания обо всех, подобно тому как он украл мое имущество, император послал... — я не знаю, как и назвать этого человека, — и все это, о Геракл, он забрал, ничуть даже не покраснев, после крупного разговора и ссоры. О, как я только перенес такое насилие! Куда, дорогой мой, девалось мое благоразумие! Как только я не бросился в огонь или в пропасть! Почему я не вонзил нож в свои внутренности! Лучше было бы, если бы и их украл мой племянник, чортов Алексей, чем вынести такое их похищение. Если бы, мой милый, не унес их от меня так бесстыдно и нагло потребовавший их у меня и взявший их, то на утро же я тайно, без чьего-либо ведома хотел все их сжечь или, по крайней мере, поручил бы во всем меня слушавшемуся самому вороватому зятю, чтобы он, никому не говоря, похоронил это вместе со мною.

7. «Какую же выгоду, пустая ты голова, — сказал я, — или какую пользу думал ты получить, если б ты сделал это?»

«Большую, — сказал он мне, — и заслуживающую больших похвал, злодей!»

«Если бы ты сделал так, как рассказываешь, — сказал я, — разве ты злопамятный, не боялся бы гробокопателей и того, что тебе два раза придется ложиться в могилу?»

«Пусть бы они это сделали, — сказал он, — лишь бы только мой соперник не узнал искусства составлять бумаги и того, как ему научиться, а там пусть меня не дважды, а и сто раз выкапывают. Если бы все это сожгли со мною и если бы у меня от всего тела, буде огонь его истребил все целиком, остались, как говорят, одни только зубы, то и ими я бы защищался от своего проклятого соперника».

«Ты страдаешь разлитием желчи, друг мой, — сказал я ему. — Разве ты не знаешь, что как ты стал опытным писцом и секретарем, так и он может стать им без твоей помощи и указаний».

«Конечно нет, — сказал он, — никогда, хотя бы это утверждали все риторы и философы».

«Однако, если это, — возразил я ему, — не так, как я сказал, как же ты стал таким великим? Тот пустой болтун, исполненный насмешек, неблагодарный к своим благодетелям, одно говоривший великому государю.

²¹ Κακοαίετιος.

²² Т. е. врачей.

другое писавший за подарки, тот самый Падиат, встречаясь со мной и беседуя ежедневно в течение четырех лет, давал мне советы и указания и сделал меня, как ты сам знаешь, таким опытным в этом искусстве».

8. Наш разговор еще не окончился, так как я видел, что он одержим гневом, и хотел его наказать и побранить, как вдруг появляется с той стороны, где были миртовые заросли, в которых он скрывался, некогда столь любезный и предупредительный, как я сказал раньше, а потом ставший негодным и презренным, всем известный Падиат.

С диким взором на раздраженном лице, с закатившимися, как у повешенного, глазами, держа толстую палку в обеих руках и прихрамывая, он говорит: «Ах ты, дурак, ах ты сплетник и с редькою в зад²³, негодный Голобол! Хороших вещей ты здесь наболтал кривоногому Мазарису!»

Сразу поблдев и криво улыбаясь, Голобол говорит Падиату: «А я и не думал, чтобы кто-нибудь мог быть там скрыт, Бандиат²⁴, как называл тебя миртаит Андроник. Поэтому я так беззаботно и попросту разговаривал, как ты слышал, с этим милым и дорогим нашим другом и рассказывал ему то, что меньше всего надо было тебе слышать. Но раз уж ты спрятался, чтобы подслушивать, как шпион, в миртовых зарослях и, незаметно двигаясь в них, как какая-нибудь водяная гидра, услышал то, что я сказал, я тебя прошу, и очень прошу: сохрани все это при себе и не говори ничего об этом остальным, а больше всего великому Плутону и Персефоне. Если твой преступный язык им сообщит об этом, они ввергнут меня, несчастного, в пасть Кербера».

«Будь спокоен, — сказал он, — и не трясись от страха. А вот попроси Мазариса, чтобы он не рассказывал этого тем, кто пребывает в императорских покоях».

«По многим основаниям, — сказал Голобол, — я спокоен за него. Я боюсь только тебя и трепещу за твой безбожный язык, чтобы ты и в Аиде не делал так, как ты привык действовать на земле скорее в шутку, чем серьезно, оскорбляя и браня с иронией каждый день всех мужчин и женщин».

Падиат, немного сдержавшись, но бросая взгляды свирепого льва, так сказал ему: «Разве ты не знаешь, негоднейший Голобол, что, говоря так, ты оскорбляешь и меня, так же как недавно вкривь и вкось перемывал косточки Филомматея из рода злых ангелов, которого исключительно любит великий государь по многим причинам, но особенно ради его деда, который, по словам того же миртаита Андроника, разрушил свой греческий дом и бежал из заключения, и за это его все по заслугам почитали и восхваляли. А ведь он был и моложе, и красивее, и здоровее тебя. Он вращался при дворе, был участником многих тайных государственных дел, умел применяться ко всем обстоятельствам, хорошо владел луком и холодным оружием, охотился на оленей и медведей, бил больше диких кабанов, чем зайцев; и в военном деле он был очень опытен, ездил с посольством к сатрапам, писал более неутомимо и красиво, чем ты; он не имел при себе ни сотоварища по письменной части, ни помощника, но ради выгоды явно хотел писать все сам, он дни и ночи проводил во дворце и всячески стремился, чтобы рядом с ним не было другого секретаря. И тут ты не стыдишься, несчастный, и не краснеешь, сопоставляя его действия с твоими; или ты забыл, что твой отец был кабатчиком, а тот, кто его произвел на свет, ходил в овчинах и выделывал шапки из шерсти?»

²³ По-видимому, подражание Аристофану („Облака“, ст. 1083). Это наказание применялось к лицам, пойманным с поличным при нарушении благопристойности.

²⁴ Μπαυτίατα (вместо Παυτίατα). Так как в новогреческом языке μλ звучит как „β“, то это слово может быть греческой формой французского bandit.

9. При этих словах Голобол прервал его и смеясь обратился ко мне: «Дорогой мой, — сказал он, — какой такой злой дух, настоящий Тельхин²⁵ явился сюда и принес нам нечестивого мучителя, этого нахала, всеми любимого не за правду, а за лесть и ложь, так грубо нарушившего наше уединение?»

Падиат же, скорчив коварную гримасу, говорит: «Какое уединение? Где же тут любовная парочка?» Я же, покраснев, сказал ему: «Хоть в Аиде говори прилично, беззаконный, и брось бесполезную болтовню».

Тут он, схватив меня за руку, сказал: «Заклинаю тебя во имя истины, куманек²⁶, кто имеет больше права обижаться, он или я? Я, который покинул и родину, и славный род, дома и земли, и богатство, и многое другое, общество и политическое влияние, лучшее, чем я наслаждался во дворце, я, который много работал с великим государем и в Константинополе, и в Филиппополе, и в Анатолии, и на многопрославленном Лемносе, и во многих других местах. Или же этот грязный, с редькою в задку Голобол, который из нищих стал богачом, из неизвестных известным, который жил безвыездно на родине, а выстроил роскошные дома, которых он и во сне прежде не видал, стал одеваться в белые шелковые царственные одежды, хотя прежде, как и его дед, ходил в овчинах».

И взглядом, и кивком головы я дал понять: «Не иначе, как ты имеешь самое полное основание считать себя обиженным».

Тогда, вновь повернувшись к Голоболу, Падиат, как обычно, шутивным тоном говорит ему: «Ах ты, глупый и пустой хвостун, Голобол, если бы могучий и прозорливый самодержец поставил рядом с тобой соперника, хотя бы ты был налицо и тебя и днем и ночью можно было бы найти во дворце, то справедливо ты мог бы считать себя обиженным и законно потом, по словам Гомера, «скрытую злобу, доколе ее не исполнишь, в сердце хранить»²⁷ против своего соперника и жаловаться нашему милому и благородному товарищу Мазарису. Но после того как неоднократно, вернее сказать, — тысячу раз тебя искал государь и найти тебя никак не мог, когда вследствие этого важные государственные акты и сношения с иностранными правительствами оставались невыполненными и незаконченными, из-за чего происходил ущерб для ромеев, а тебя нигде нельзя было найти во дворце, разве не вполне законно государь назначил тебе заместителя? Ведь ты развратничал у роскошной и задорной бабы, да к тому же монахини, валандаясь с этой более чем легкомысленной женщиной все ночи и дни. После всего этого, Голобол, сердись и выходи из себя и называй меня самым скверным из людей, как ты сейчас меня называешь».

На это почтенный Голобол, как говорится, надев львиную шкуру и схватив меня за правую руку, трясясь от злости (другой рукою он держался за колено), без всяких околичностей в бешенстве говорит ему: «У меня, Бандиат, и не было жены; и я не страдал ни подагрой, ни ломотой в руках, как ты; и если я иногда днем или ночью ходил повеселиться, по словам Феокрита²⁸, к более чем легкомысленной особе, то у меня был помощник, кургузый и безголовый, — чтоб его молнией убило — Кассиан, которому я велел оставаться во дворце вместо себя. Кроме того, у меня были Маникаитай с зарубцовавшимися ранами, живой мертвец Оким, одноименный с ним каллиграф Келиф и пьяница Цамамирей. Вслед-

²⁵ Τελχίνες — мифический род с о. Родос, чародеи, враждебные людям и богам.

²⁶ κομπάρε — Газе видит в этом обращении французское comrège. Ср. в словаре Дюканжа (стр. 731) κομπάρι=compater.

²⁷ „Илиада“, I, 82—83.

²⁸ Идиллии, III, 1, но у Феокрита глагол κομάζω (sq. κομάσσω) имеет иное значе-

ствие этого нечего было искать заместителя как по многим другим причинам, так особенно потому, что во время моего пребывания в Италии, вместе со всеми другими, и я был облагодетельствован благочестивейшим самодержцем, издавшим священный приказ, чтобы отныне я был единственным секретарем по тайным и явным государственным делам, подобно тому как и министров он оставил пожизненно на их посту».

10. Тут я стал говорить ему по-дружески и с большой любовью, не то чтобы просто любезно. Я это делал для того, чтобы водворить мир между ними и прекратить их взаимную брань; я видел, что проклятый Падиат собирается дать ему по уху, подобно тому как среди площади он ударил друнгария²⁹ родом из Трапезунта: «Дорогой Голобол, не вспоминай об этом, успокойся, забудь, — так как сам ты был соперником нашего многоуважаемого Падиата». А он, вздрагивая еще, сказал: «Нет, я был его подчиненным».

На это Падиат: «Ни в коем случае, Голобол, трибол, или, вернее, трехоболовая дрянь³⁰, хулитель истины; ты был моим соперником, а не подчиненным». И, взяв меня сам за другую руку, он клятвенно уверил меня: «Клянусь нашей дружбой, брат, и своим желанием, чтобы всевышний, все создающий и изменяющий, освободил нас от ужасной боли в руках и ногах и от бедности, а особенно от отчаяния и оскорблений, которым каждый из нас подвергается, клянусь жизнью моего любимого сына, который на своем пути трясется и почти подавлен тяжелой, непосильной для него почестью, которому пашой³¹ Клавдиотом было дано прозвище Сеселкой, клянусь, что я из-за этого злодея, из-за его бесстыдства и соперничества, во всем поставленный на второе место, уехал на корабле в Лемнос, забыв обо всем другом. У меня поднялась ревность против него, и я не мог выносить его лица, как только я видел, что он исполняет секретарские обязанности и без меня и в моем присутствии и что во дворце ищут всегда только его».

«Не потому, — возразил ему Голобол, — кривоногий Падиат, уехал ты в Лемнос, а вот почему: испугавшись своего товарища по судьбе, у которого на лбу рана от рога³² Малакена, как бы он не пришел из пещер Фессалийского города и не поднялся на прославленную лестницу, о которой прелюбодейки грозно говорили своим мужьям: «Будьте осторожны, мужья! Не говорите о нас ничего плохого! Благодаря нам даже против вашего желания вы подниметесь по прославленной лестнице патриаршества, имеющей 72 ступени»³³. Так вот, как я сказал, боясь этого роконосца, ты бегом бросился бежать на Лемнос, не обращая больше ни на кого внимания; но, как будто убежав из какой-то тюрьмы или, скорее, от каната на ристалище, ты бежал, прихрамывая, часто оглядываясь назад, исполненный трусости и трепета, как бы кто-либо не стал преследовать тебя по пятам». А затем, обратившись ко мне, говорит: «Что, друг? Верить теперь его клятвам? Ты еще не знаешь, что тот, кого он называет сыном, является подкидышем известного Рифы Халкеопула».

Приведенный этими словами в ярость, а вернее, почти обезумев, нечестивый Падиат той палкой, на которую он опирался и которая была из

²⁹ Довольно высокий придворный чин.

³⁰ *олболое*, ... *триболоате*, ... *триволдицаите*... — обычная для Мазариса грубоватая шутка по поводу имени Голобола.

³¹ *соупаис* — турецкое название должностного лица, обязанности которого трактуются в литературе по-разному.

³² Название „рогоносец“ было в большом ходу уже в древности.

³³ Намек на 72 ступени придворных званий. См. Ф. И. Успенский. Византийская табель о рангах. ИРАИК, т. III, 1898; J. Burg. The imperial administrative system. London, 1911.

крепкого кизиля, разбил голову честного Голобола, и мозг тотчас же, по Гомеру, «из носу полился»³⁴.

11. Вследствие этого поднялся тут страшный крик и великое смятение; со всех сторон все повыскакивали и стали сбегаться на этот шум. Так как несчастный Голобол лежал почти бездыханным и громко стонал, а из головы кровь лилась рекой, все закричали: «Позвать врача!» Вызванный из толпы врачей пришел тот прекраснейший Пепагомен, который дал выпить смертоносный яд, намешав его вместо целебного лекарства и для себя и для того Фокидия, который отцеживал вино, для помощника секретаря Эвмаранта, ровесника Иапета³⁵; он тотчас остановил кровотечение, приложив к голове Голобола целебную траву, называемую буфталмос.

Увидав меня, он прежде всего обнял и поцеловал меня, а затем спросил: «Как, сын мой, попал ты в такое положение, откуда ты пришел такой оборванный, весь согнувшийся, бледный, с жалким видом? Твои пальцы на руках и ногах как будто вывихнуты. Как стал ты таким убогим и нищим, таким униженным и презренным? По какой причине ты все это испытал? Расскажи мне во имя нашей дружбы!»

И со стоном я сказал ему: «Что я таков, как ты видишь, я и сам не знаю; и по какой причине я стал таким, я тоже сам не знаю».

«Но я-то, — сказал он, — знаю причину; и что я по этому поводу думаю, я тебе скажу».

«Скажи мне, — воскликнул я, — ради бога, и ничего от меня не скрой!»

«Я уверен, — сказал он, — сын мой, что не из-за чего другого стал ты таким, какой ты сейчас, как из-за непоколебимой преданности, которую ты всегда проявлял к государю, так как даже во сне ты никогда не мыслил быть ему неверным, несмотря на то, что за это ты испытал все эти великие и разнообразные бедствия. Ведь если бы и ты нарушил свою присягу, когда ты находился на Лемносе, как и многие другие, совершенно так, как всем известный рогоносец Керанцес, у которого в кармане было всего только 70 серебряных монет, и если бы ты тогда последовал в Филиппополь за племянником нашего благороднейшего самодержца, носившего имя Иоанн, а ведь это значит милостивый, то тебя не оклеветал бы этот мошенник хиосец из Ливии, этот подлец счетовод, и не задумал бы против тебя и не сделал бы никакого зла этот «вороноглазый вор», как обозвал Клавдиот этого прославленного секретаря, который раньше занимался торговыми делами на Черном и Белом морях³⁶, а затем стал по божьему наитию, чтобы не сказать сойдя с ума, монахом-назареем; и ты бы имел достаточно денег, честь, славу и здоровье, управлял бы многими людьми, как Керанцес, с раной от рога, с мордой мулата, как такой же черноволосый Тарханейот, как с медно-оловянным лбом Махетас, как многие другие».

«Я и сам, — сказал я, — давно уж мог бы уразуметь, что это так, как ты сказал. Только я боялся это говорить, как бы и это вместе со многим другим не было поставлено мне на счет и не оказалось для меня причиной новых бедствий. Постоянное уныние, в котором я находился и день и ночь, гнев на меня владыки и все время его дурное обо мне мнение сделали меня таким, как ты видишь».

12. «Я испытываю, сын мой, — сказал он, — большой страх и тяжкую заботу, охвачен великой боязнью, подобно, по словам поэта³⁷, голубку

³⁴ Измененный 38-й стих XIX песни „Илиады“.

³⁵ *Ίαπετός* — один из титанов, отец Прометея. Имя его употребляется как символ древности.

³⁶ В средние века стали применяться заимствованные у турок названия: Черное море — для древнего Понта Эвксинского и Белое море — для Эгейского.

³⁷ Софокл. Аякс, ст. 139.

с робким взглядом, за своих сыновей, твоих товарищей, как бы и с ними не случилось чего подобного, такого же, как с тобою. Я узнал от тех, которые пришли с земли, будто они собирались отправиться на север служить к всемилостивейшему воеводе, для того чтобы и им обогатиться, как, уйдя туда, внезапно обогатился певец Полос Аргирос³⁸, но что их дядя с материнской стороны, Акрагант, помешал им в этом и они находятся теперь в прежнем несчастном положении. Из них младший, «являющийся потомком Патрокла», Алусиан³⁹ находится при дворе в хоре низких льстецов, толкаясь там вместе с Лукием, или ослом⁴⁰, Кидонием⁴¹, чье имя напоминает и айву и овцу, Пигонитом, что подкальвает свою задницу⁴², Зоотиком, боящимся палки, с Андроником, этой обезьяной из Вероники. Кроме этих корифеев хора, там же находятся и Сирматфей⁴³ с золотым мозгом, который без исследования астрологией не решает даже в отхожее место, и грязный маленький Феодосий, который в сновидениях облачается в белые одеяния императора. Второй же, старший, носящий имя Пепагомена, а по прозвищу Савромат, числится по списку «гибельных человекоубийц», как и свихнувшийся Онокентий⁴⁴, если назвать его по-латыни, его родной брат, полное его подобие, Либистр, оглушенный и слабомысленный Малакей, Петр, по словам Синезия, являющийся гордостью Пентаполя, и прежде всего этот кербер Конон, который вместо целебного напитка подносил больным коний (болиголов) и, наконец, Харсианит, который легко и бескровно препровождал к Харону^{*} больных».

«Будь спокоен, — сказал я, — не волнуйся; они ничего такого не испытывают, пока они останутся неженатыми; когда же они захотят заключить брак, тогда ты увидишь их такими же, как и я, и даже еще хуже. И я, пока жил один, пользовался достаточной славой и честью, какими только можно было пользоваться, наслаждался богатством и всем другим, что, как ты сам знаешь, считается благом. Но тотчас же, как только я женился (горе мне!), последовали за мною по пятам и несчастья, так как, по словам писателя, к достоинствам пристают и пороки. И вот я, как ты видишь, нахожусь в таком положении». «И таким, — сказал он, — ты хочешь пребывать и в Аиде?»

И тут я стал говорить ему: «Отнюдь нет; но после того как в моей несчастной жизни меня преследовали по пятам бедность и бесславие, изгнание и бесчестие, оскорбления, клевета и ложные обвинения, одна за другой всякие болезни и, что самое ужасное, страх перед царским гневом, и все это позорное обращение, выказываемое мне то в городах, то на островах, немалые потери и наказания, гибель детей и тысячи других бед. И самое тяжелое из всего это то, что всем этим бедствиям даже до сегодняшнего часа не поставлено никакого предела, но светлейший государь тем, которым он хочет внушить страх и ужас при предоставлении им служебных долж-

³⁸ Переделка очень известной в Византии фамилии Аргиропул.

³⁹ Это имя означает „неумытый“. Мазарис цитирует здесь отрывок стиха из Аристофана („Богатство“, 84), указывая, очевидно, на всем известную неряшливость этого лица.

⁴⁰ Этот герой Лукиана упоминается для насмешки над придворными.

⁴¹ Непереводимая игра слов. Двойное сравнение этого весьма распространенного в Византии имени основано на созвучии его с названием айвы: Κιδώνιον μήλον. Используя двойное значение слова μήλον (плод и овца) и заменяя каждое из них синонимами (τό πρόβατον — овца; ἡ ὄψορα — плод), автор получает: τοῦ τῆς ὄψορας Κιδωνίου ἢ προβάτου.

⁴² Πυγῆν ὑβίστων Πυγώνιτης. Обычная для Мазариса игра слов.

⁴³ Συρματθαῖος — первый слог в этом имени представляет собой, очевидно, франкский титул *sigē*. Возможно, что речь идет о Матвее Ласкарисе, который позднее (в 1422 г.) был послом при султане Амурате II.

⁴⁴ Сознательное искажение латинского имени Иннокентий (ср. ὄνος — осел).

ностей, вспоминает меня, бедного, вместе с Меликнасаром и несчастным Булотой и, браня, ставит меня примером негодности, как какое-то пугало для предостережения других. И вот, когда все это, как сказано, я перенес с божьей помощью и поддержкой стойко и, если можно так выразиться, с некоторого рода великодушием и мужеством, я ожидаю, по словам божественных евангелий⁴⁵, вкусить всякое благо, заслужить беспечальную жизнь и все то, что обещано мужесгвенно претерпевшим до конца все бедствия».

13. Когда я это говорил и не окончил еще своего рассказа, появился бегающий ко мне из миртовой рощи, как из своей спальни, тот старший бабник Антиох и, прежде чем он успел по своему обыкновению меня обнять и поцеловать, торопливо спросил меня: «Что поделявает, приятель, моя дорогая, горячо любимая возлюбленная, о которой я не могу забыть ни ночью, ни днем, везде, где бы я только ни был, в Галлии ли или в Британии, даже здесь, в пределах Аида; каждый час я все надеюсь и жду, что она придет сюда. Ведь для охваченных страстью, по словам поэта, день так же долгод, как вся человеческая жизнь. И если длительность жизни (здесь) беспредельна, то ты можешь себе составить представление, друг мой, как я страдаю. Поэтому-то я и прошу тебя, дорогой мой, скажи мне все по правде, сохранилась ли ее красота и ее богатство? Я очень хочу, как только она придет сюда, жениться на ней».

«О ком ты говоришь, — спросил я его, — ты, несчастный, потерявший ум от женщин, воняющий от ожогов и нарывов?»

Он в ответ: «О той, которая живет близко от ворот святого мученика Романа, несчастный, у которой большие виноградники, которая кутит и роскошествует и в то же время блистает, как солнце при восходе, — я говорю об Анатолико».

«Ах ты, бабник, — ответил я. — Ее красота прошла, как цвет весенней лилии, а ее богатство растратил ее сын, которого звали, как вышедшего из могилы, Анатолием, мозги которого были в пятках».

«Горе мне, — воскликнул этот сластолюбец, — так как божественный государь запретил мне на ней жениться. Поэтому я надеюсь, что если судьба помешала мне получить такое счастье, то и дела и положение ромеев будут такими же».

«Ах ты, шут гороховый, — сказал я, — от старости впавший в детство, тройной болван! Ты и в Аиде все вспоминаешь о женщине. Харон давно уже дал тебе жетон!⁴⁶ Или ты забыл, что у тебя есть дочери, есть сын, чортов Алексей, бывший жестоким сборщиком податей, такой опытный в исполнении службы и наряду с этим вор и скряга, что даже тмин расщеплет».

Придя в себя и вспомнив все, он сказал: «Ну да, конечно. Но так как он не захотел идти той дорогой, какой я сам шел, то потому-то я и не люблю его и не хочу его знать. Ему выгоднее было бы иметь дело с теми людьми, в среде которых вращался я, чем собирать подати, обирая последние гроши, с теми, с кем он захотел так ужасно служить. И если он как вор будет уличен в мошенничестве, боюсь, как бы с ним не случилось того же несчастья, как и с тобой».

14. В это же время пришел с Млечного Пути Мельгуз, который и сам доил в прежнее время коз, узнать о сыновьях, остались ли они и теперь такими же доносчиками, каким был он сам. А за ним с реки явился

⁴⁵ Евангелие от Матфея, V, 10.

⁴⁶ ξόμβολον. Он вручался в Афинах всем вновь избранным судьям и присяжным как знак их власти. Здесь Мазарис, перефразируя Аристофана („Плутос“, ст. 278), хочет сказать, что Антиоху пора уже перестать думать о земных делах.

старик Потамий, весьма красноречивый как в устной, так и в письменной брани; он пришел, чтобы узнать относительно бесчувственного Камицы, молодого паренька с Запада, все ли он и теперь удаляет волосы при помощи (пластырей из) смолы; и относительно Харсианита с коричневыми здоровенными зубами, развратника и пьяницы, имеет ли он и теперь ту же наложницу, пьет ли он цельное вино, как он его тянул и прежде.

Вместе с ним пришел и Клавдиот, поросячий паша, как его называл Падиат, окрасивший и бороду и волосы на голове вороньими яйцами; ведь, по уверению людей, которые мажутся этим составом, от яиц ворон получается черный цвет, как порфирный из сока улитки. И прежде чем меня обнять или поцеловать, он сказал скорее серьезно, чем шутя: «Разве я не говорил, мой милый кум с помазанными ушами, что все, что делает благодетельный Зосима для непостоянного и ничего не стоящего моего сына Айтины, все сделано напрасно, как бы брошено в пропасть. Впоследствии он опять перейдет к исмаилитам. Ведь кто раз обрезан, тот не держит слова и не является верным ни богу, ни государю, но всегда стремится мыслью к учению Магомета, к безумию мужеложества и всякой другой распушенности, как делал это и я все время, пока находился на Лемносе».

«Да, — сказал я, — ты это говорил, но я думал, что ты мог это говорить из зависти».

После них пришел заткнувший, как аспид, свои уши Аспиетей, который сладок на словах, в поступках же кусается, как змей, от укуса которого я до сегодняшнего дня смертельно болен. Ведь укушенный животным может, говорят, излечиться, приложив целебное лекарство, а от укуса злых людей нельзя даже сказать, сколько погибло и всяких городов, и отдельных лиц, и островов, и царей.

Издали увидав меня, он закричал: «я не забыл тех флоринов в Галлии, которые беззаконно отнял для себя тот тощий, хромой, как Гефест, весь сморщенный Стафидак. Я помню о них и буду помнить, пью ли или не пью воду забвения. И как только он придет в эти места, я бегом брошусь, чтобы представить его перед судом Миноса, и буду обвинять его в этом».

15. После него пришел латинянин Варфоломей из Гасконии⁴⁷ и, приветствовав меня на латинском языке: *Vene venisti, amice*⁴⁸ (добро пожаловать, дружище), с улыбкой сказал мне: «Что подельвает, любезнейший, мой сын, а твой приятель при дворе императора? Состоит ли он, как прежде, в управлении по соляным варницам или он служит в качестве переводчика в сношениях между латинянами и греками?»

С трудом вспомнив этого человека, так как его голова и борода были обриты, я сказал ему: «Он прекрасно работает и там и здесь, благороднейший руководитель. Только теперь он занят подведением некоторых счетов по соляному делу».

Он покачал головой и, скрестив свои руки, глубоко вздохнув, сказал: «Кто же теперь наблюдает за счетами ромеев и должен подводить все итоги?»

«Не знаешь ли ты, — сказал я, — того, прибывшего из Вавилона⁴⁹ в Хрису, который затеял судебный процесс со стариком пелопоннесцем,

⁴⁷ В греческом тексте: *Ντελλαγάσχος*. Принимается расшифровка Газе: *de la Gas-cogne*.

⁴⁸ В греческом тексте: *Μπεβένι|α μισέ*. Буассонад считает его латинским: *Ve(ve) veni(sti), amice!* Эллисен, вслед за Газе, считал, что приветствие — на итальянском языке: *Ben venga, messer*.

⁴⁹ Т. е. Багдада.

неразумным Софианом⁵⁰ относительно посланного императором в Александрию груза дерева?»

«Ты говоришь о том паршивом Мисаиле Мускаране, злоязычном, гнусном и лукавом жулике и подлеце, который воображает, что он знает настоящее, будущее и прошедшее, а на самом деле ничего, кроме бесстыдства, не знает, об этом персидском звездочете, коверкающем греческий язык, склонном к латиномыслию обрезанце, не признающем божественной троицы, не питающем к императору неизменной верности, который ко всем своим остальным друзьям выказывает свою любовь не настоящую, а из-за лести, коварства и обмана? И этот-то грязный негодяй, глупый, несдержанный простофиля, говоришь ты, хочет, чтобы мой милый сын сидел за этими счедами?»

«Да, — ответил я ему, — я имел в виду этого тройного, скорее трехгрошевого негодяя».

А он, схватив меня за руку, дрожащим голосом говорит мне: «Я слышал от честного Голобола, что ты собираешься опять отправиться к живым людям; если это так, как я слышал, передай от меня тайно благороднейшему государю следующее предостережение: не следует этого проклятого, порочного, склонного к латинству, противника символа веры, этого (Иуду) Искарюта скорее, чем Мускарана, отправлять послом и подеста Галаты. Поистине как ветряная мельница⁵¹, этот подеста бесстыдно сбросил на землю императорское знамя по совету того субъекта; а затем тотчас же, когда он был отозван, как будто придя в себя после пьяного угара, подеста велел водворить его с удивительной помпой и великой честью на прежнее место. Так вот, если государь не пошлет его ко всем чертям, то завтра же он причинит дарие городам много неприятностей, и все по совету этого хитрого злодея и развратника. Это он в великой церкви господней сеял плевелы; это он убедил советами и постоянными письмами своего зятя, несчастного Рауля Мирмека, купить известный остров ромеев Фасос».

16. Когда он так беседовал со мной, снова явился передо мной восставший из мертвых почтенный Голобол и, взяв меня за правую руку, отвел меня в сторону, где росли густолиственные вязаы и множество платанов, а на них распевали птицы на разные голоса; но к тому, что было сказано, он ничего больше не мог прибавить, как телько: «О, дорогой друг!»

Затем при пении этих птичек напоследок явился и музыкальный корифей Лампадарий, неся в руке зажженный светильник, и прежде всего запел песню мертвых:

«Аид отпускает дрожащего от страха Мазариса».

Так, обычно он говорил мне при жизни. Затем он спросил меня: «Как поживают мои разнесчастные, ничего не понимающие и трижды жалкие сыновья, которые, отказавшись от отцовского призвания и искусства, навсегда отделились материнскому примеру? Ради нашей дружбы расскажи мне об их общественном положении и образе их жизни, потому что ведь многие приходящие из мира живых смутили мою душу и привели в беспорядок мои мысли, говоря, что мой старший, названный матерью Ласкарисом, возлюбил уединенную жизнь и, переменяв призвание, стал монахом,

⁵⁰ Σοφιανός -- мудрый.

⁵¹ Эти слова ἀλοκόρπον δένδρον бессмысленны и требуют исправления. Эллисен, относя их к императорскому знамени, переводит: „как какое-то бесплодное дерево“; я думаю, что они относятся скорее к подесте, исходя из значения ἀλοκόρπον — „вращающийся во все стороны“, тем более, что у Мазариса довольно ярко ощущается нелюбовь к „латинянам“. Отсюда — наш перевод „ветряная мельница“. — Прим. пер. в.

но от своей подруги, уже многими перещупанной, родом из Скифии, с которой он баландался с самого детства, он не отказался, а присосался, как улитка, к этой распутной бабе. И на площади, и в собрании, на перекрестках и празднествах он не столько прокладывает ей дорогу, сколько плетется за ней, похрюкивая. И не стыдится он, несчастный, или скорее умалишенный, ни той одежды, в которую он облачился, ни рода матери, но рясу свою он носит, как дурак, будто осел в львиной шкуре. А второй, Драконтоним, получивший прозвище «Толстощекий», увидав певца Пола, вернувшегося в родной город из Валахии с большими деньгами, захотел и сам отправиться туда, чтобы обогатиться; он покинул родину, но позорно потерпел крушение и, вернувшись оттуда, трется без толку у императорского двора».

«Что касается их, — сказал я, — дело обстоит именно так, как ты говоришь, великий музыкант; тот, кто рассказал тебе об их общественном положении, изложил тебе все правильно. И я очень прошу тебя, не ввергай меня в многоречие и подробные описания и не заставляй рассказывать или подробно передавать тебе, что они делают. Ты видишь, как многие стремятся ко мне с вопросами, и у меня уже голова заболела, пока я сам разговаривал и других выслушивал».

«Раз ты так неохотно, — сказал он мне, — ведешь разговоры и не хочешь подробно рассказывать, а мне же страшно хочется что-нибудь узнать, то прошу тебя, хоть выслушай, что рассказывал мне о них виновник всех бедствий первый настоятель монастыря».

«Скажи мне это, — ответил я ему, — но только кратко; ты видишь, что я спешу».

17. «Я так и сделаю, — сказал он. — Только ты слушай. Рассказывал мне этот от старости впавший в детство, весь согнувшийся старик, эта вышеназванная язва, который, по его словам, пришел в ад против своего желания. Он говорил, будто мой старший сын, постригаясь в монахи, прикрыл капюшоном и рясой не только свои младенческие мозги и невежество, свою глупость и леность, но и свое тщеславие, распущенность и разврат, чем он занимался еще с детства. Он стал долгополым и пребывает в монастыре Эвергета, лицемера и оставаясь поклонником Афродиты. Младший же живет, как живет молодость, т. е. распущенно, глупо, развратно, с большим самомнением, скорее как безумный и безрассудный. Обученный мною в совершенстве искусству музыки, так чтобы он мог жить в чести и достатке, как на земле жил и я сам, он отказался от этого занятия и выбрал другую жизнь — отвратительную, грубую, бесчестную и бесславную, в конце концов неприбыльную и позорную. Он не захотел состоять в клире святой императорской, великой и божественной церкви и называться церковнослужителем, чтобы петь победные и божественные гимны; но предпочитает петь дурацкие песни с мальчишками и рабами, с пьяницами и шутами, дурачащимися, делающими все и позволяющими над собой делать все. Он часто избегает во время праздников и торжеств петь среди церкви; а вот с развращенными нечестивцами он поет, танцует, ведет себя шутовски, дурачась, как обезумевший. Конечно, ему стыдно, и он краснеет, конфузится, приглашенный к благороднейшему самодержцу, чтобы петь под звуки кифары и передавать своим голосом гармоническую песнь древних или новых музыкантов, и отказывается от этого. А вот по всяким углам, на перекрестках дорог, по трактирам, в притонах развратных женщин он поет под кифару и пляшет и совершает другие непристойности иногда тайно, а иногда и явно, пренебрегая скрытностью. Часто его приглашают высокопоставленные люди, принадлежащие к императорскому дому, и заставляют пропеть для государя песню, мною положенную на

музыку для увеселения и удовольствия императора и деспотов, — так он прячется в угол, скрываясь за людьми, и конфузится, как маленький ребенок, и пищит тонким голосом, как какой-нибудь евнух. А вот когда его просят оборванцы и люди никчемные, он поет в пьяном виде, не краснея, фальшиво голосит, кричит надрываясь, пляшет, совершая неприличия, с глазами, налившимися кровью от пьянства и выпученными, как от удушья. Ввиду этого во славу Давида-многопевца он может выть, как собака, и скитаться по городу, и будет разорван плащ его, и должность его возьмет другой из-за того, что он не выполнил отцовские наставления, распоряжения и указания. А сваха, которая побудила меня жениться на матери их обоих, пусть попадет в пасть Кербера».

18. Вознегодовав на этот длинный рассказ, честный Голобол сказал мне: «Видишь ли ты этот глубокий, заросший кустарником источник?» Я ответил ему: «Вижу». — «Сделай вид, будто ты туда отошел в сторону, и, скрывшись в нем на короткое время, быстро возвращайся к жизни, радуясь и веселясь, на много дней под светом солнца. И прежде всего от моего имени передай приветствие и пожелание радости благороднейшему, исполненному всякой мудрости, искренне любимому дяде божественного и великого самодержца, Асану⁵². А затем не замедли сказать ему от меня следующее: «Я и в Аиде не забыл, красноречивейший из людей, твоих золотых поэм. Но как и в императорском дворце я вспоминал и читал ежечасно владыке и всем другим твои произведения, так и здесь я их помню. По ночам я рассказываю великому Плутону и Персефоне все то, что ты так ясно изложил о пробуждении ныне спящих. А днем я с удовольствием излагаю Миносу, Эаку и Радаманту содержание тех 69 сочинений, которые ты неумоимо писал в течение всей своей жизни, избегая варварских и искаженных выражений, не говоря уж об их мудрости и ясности. И театр я наполняю драматическими произведениями о риториках и философах, причем одни из слушателей скажут от удовольствия, другие сардонически усмеются, а иные наполняют воздух криками и умоляют Клото до срока перерезать нить на веретене, назначенную для тебя, с тем чтобы ты скорее прибыл в Аид. Все охвачены страстным желанием увидеть тебя и из твоих уст услышать твои чудесные декламации. Затем сделай все так, как я тебе наказывал и советовал. И ради нашей дружбы никому не рассказывай о моих делах, но, как обещал, все сохрани про себя. Тут тебя спрашивают не только о блаженствующих в жизни, но по словам Гесиода: «Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник; нищему нищий, певцу же певец соревнует усердно»⁵³.

И подобно тому, как при жизни наверху добрая слава, полученная даже близким человеком, вызывает зависть, по словам поэта, у завистника, так и здесь в Аиде счастливая жизнь, почтение тех, кому божьей волей живется хорошо, и блеск и наслаждение, предложенные им богами, являются «занозой в теле» тех, которые, по моему мнению, плохо вели свои дела в жизни. Поэтому старый священнослужитель завидует другому, архиерей — архиерею, монах — монаху, сатрап — сатрапу, министр — министру, вождь — вождю, начальник — начальнику, военачальник — другому военачальнику, адмирал — адмиралу, судья — судье, секретарь — секретарю, учитель — учителю, ритор — ритору, врач — врачу, брат — брату, отец — сыну, и, что особенно ужасно, страдающий подагрой рук и ног завидует подагрику только в ногах; одним словом, все не только за-

⁵² Буассонад считает, что здесь имеется в виду Михаил Асень, сын болгарского царя Александра Асеня.

⁵³ „Работы и дни“, ст. 25—26 (перевод В. В. Вересаева).

видуют, но злобно клеветают и друг другу устраивают коварные штуки, всегда и ежечасно плетут ложные доносы и вследствие этого они и теперь и во веки веков будут нести наказание: одни попадают в пасть Кербера, другие на вечный огонь, иные в Тартар и к ядовитому червю, туда, где скрежет зубовой и вопли, иные же подвергаются другим, еще горшим и тягчайшим наказаниям. Прежде чем они узнают и услышат от проклятого, отвратительного, заплеванного, кровожадного Падията, разрушающего чужие браки, что ты, похищенный на рассвете насильственно, так прибыл сюда, все их толпы в этой долине, которую ты, мой дорогой, видишь, бегом явятся к тебе голыми и постыдно обнаженными, и день и ночь будут расспрашивать тебя и выпытывать о тех, которые пребывают еще там наверху в живых, как каждый из них живет, что делает и какую должность занимает. Если это случится — да не будет этого, — ты никогда не уйдешь из ада, как и я сам, вплоть до того времени, как прозвучит труба последнего суда».

Все это, читатели, я написал по принуждению, больше со слезами, чем ради смеха, больше ради воспитания, чем ради развлечения, более всерьез, чем в шутку.

**Сновидение после возвращения на землю,
или
сообщение, посланное Голоболу из Пелопоннеса,
из Тенара, в Аид**

19. В чем дело, хитроумный Голобол? Неужели и в Аиде ты меня так же обманул, как некогда на Лемносе, когда ты с высокодержавным государем поспешил из Константинополя в Италию и Галлию вплоть до самой Британии? И, может быть, тогда ты это сделал из ревности, чтобы я, плывя вместе с тобой, и сам не стал твоим соперником, как теперь в Константинополе оказался этот потомок злых ангелов? Даже в пределах Аида, где нет места ревности и зависти, раздору и коварству, шуму и беспорядку, где ни секретарь, ни министр, ни военачальник, ни адмирал и вообще никто не имеет права заниматься чем-либо подобным, но где каждый единственно за то, что он сделал при жизни, должен отдать отчет, ты, злодей, все-таки надул меня, говоря: «Уходи опять вверх к живым; никому нет дела до тебя, такого бедного и презренного человека, такого ничтожества». А еще хуже был твой коварный совет, когда ты сказал, чтобы я со всем достоянием отправился в Пелопоннес и что будто бы там я достигну великого почета и богатства. Среди других щедрых обещаний ты сказал, что я там вместе с моими близкими буду осыпан всякими благами, если я пристроюсь около одного из тех, которые находятся при дворе порфирородного⁵⁴. И смотри теперь, как я, уступая твоим частым, но полным обмана советам, прельщенный твоими высокопарными заявлениями, на словах такими выгодными, на деле оказавшимися пустыми, как я и к жизни вновь вернулся, и всем домом переселился в Пелопоннес. Из всего наобещанного тобой я не только ничего не получил, но в течение 14 месяцев живу в еще большей бедности и бесславии, чем прежде. Я боюсь, как бы при более длительном моем пребывании в Спарте со мной не случилось того же, что было в Константинополе с тем пелопоннесцем, Синадином из Кормеи⁵⁵, а именно, чтобы я сам не заговорил по-вар-

⁵⁴ Деспот Феодор Палеолог. См. предисловие.

⁵⁵ Синадин из Кормеи среди современников императора Мануила Палеолога нигде не упоминается. Эллисен предполагает, что здесь речь идет о Феодоре Синадине, принимавшем участие в борьбе между Иоанном V и Кантакузином

варски, как уже говорят лаконцы и называющиеся теперь цаконцами, употребляя много разных варварских слов...⁵⁶ А что мне теперь делать? Удрученный бедностью, пав духом, я помышляю о возвращении и не знаю, какой из двух путей мне избрать: вновь ли бежать мне в ад и выносить там тьму Тартара, лязг и скрежет зубовный⁵⁷, его червей и другие наказания, какие я там видел, — ведь если бы даже я (по словам оратора)⁵⁸ сидел запершись в своих четырех стенах, это все равно рано или поздно меня ожидает, — или продолжать жить, претерпевая несчастья, бедность, недостаток во всем необходимом и все остальные беды, которые я переношу ежедневно в Пелопоннесе.

Кто нуждается в самом необходимом, как говорится, приходит в уныние; став таким, он вызывает к себе ненависть, а чувствуя к себе ненависть, еще более огорчается, а огорчаясь, он уже не задумывается о пользе для себя и не принимает мер, чтобы для себя что-либо сделать полезное, как это и было со мной в Константинополе. Лишенный всего необходимого и особенно страдая от немилости владыки, я ничего не делал полезного для себя. Поэтому я и здесь боюсь той же участи, если погружусь в великое уныние. Посоветуй же, в какую из этих двух сторон мне податься. И ради нашей дружбы скажи правду и не обмани меня, как прежде. И я даю тебе вполне добросовестных поручителей, известного разнесчастного врача из Фессалоники Халазаса и угрюмого рехнувшегося писца из Константинополя, у которого ум за разом зашел, Экзакуста, что я не буду лечить ни одного подагрика и что я не буду помощником секретаря или каким-либо другим способом во веки веков не буду соперником стоять на твоей дороге.

20. «О я несчастный, — сказал он. — Своему лучшему другу я причинил такое несчастье. То, что я тебе посоветовал и что ты испытал, отнюдь не было, друг мой, с моей стороны завистью и коварством, как ты говоришь. Нет, клянусь головой моего любимого племянника, чертова Алексея. Но я сам обманулся, подобно тому как те, которые еще пользуются жизнью, всегда обманывают и обманываются, особенно когда в своих сновидениях видят себя богатыми; вот поэтому я и посоветовал моему самому дорогому другу отправиться к жителям Пелопоннеса. Я думал, что они будут по отношению к тебе такими же, как ко мне, когда я прибыл туда с благороднейшим самодержцем. Они доставляли всего в изобилии и сверх того дали мне в благодарность за те распоряжения, высочайшие приказы и хрисовулы, которые я писал для них, 700 золотых статеров. Из-за этого я побудил и тебя пойти туда, чтобы стать богатым, как обогатился внезапно и я сам и выстроил себе прекраснейший дом».

«Ты говоришь глупости, милый мой, клянусь нашей дружбой, — сказал я ему. — Где там в Пелопоннесе обретается богатство? Или щедрость, любовь, миролюбие, чувство расположения и справедливости, гостеприимство, воздержанность, или какие-либо другие добрые качества?»

«Но что же теперь там в ходу? — спросил он. — И какой образ жизни они теперь ведут, и как поступают эти жители «Пелопсова острова»? Я страстно хочу узнать об их житье-бытье».

«Ну, ну, — сказал я ему, — ты там обогатился, чернозадый, как ты сказал, и прожил там долгое время; и ты не узнал их житья-бытья. И те-

(середина XIV в.). Под Кормеей, родиной Синадина, тот же ученый понимает г. Корону вблизи Мессены.

⁵⁶ Дальше автор приводит образцы этих „варварских слов“, опускаемых в переводе.

⁵⁷ Ср. Евангелие от Матфея, VIII, 12.

⁵⁸ Демосфен, речь „О венке“, § 97.

перь ты говоришь, чтобы я рассказал тебе об образе жизни пелопоннесцев!»

«Да, — сказал хромоногий, — все это так, как ты говоришь; но ты обо всем этом знаешь точнее меня, будучи более внимательным наблюдателем и имея больше свободного времени, да и пробыл ты там дольше меня. Я лично был очень занят своим писанием и получением золотых; на все же остальное я не обращал внимания».

«Ты правду говоришь, — сказал я ему. — По словам комического поэта, «В золотые тянет влагу размышление»⁵⁹, поэтому ты ни на что уж и не обращал внимания. Но дело вот в чем: если бы я тебя послушался, как ты просишь, и рассказал бы тебе, как живут пелопоннесцы, то мне пришлось бы бояться и почти содрогаться перед этим поступком, раз я нахожусь еще в Спарте. Ведь если они заметят, что я рассказываю или описываю, какую жизнь они ведут и как они при этом действуют, и вообще сообщаю об их жите-бытье и их поведении, то они пристрелили бы меня или пронзили бы дротиками, которые они ни днем ни ночью не выпускают из рук, и так они поступают всегда не только со своими врагами, но и со своими друзьями и родственниками во время попок».

«Будь спокоен, — сказал он, — не бойся. Я могу указать тебе легкий и безопасный путь для сообщения мне, как обстоят дела у пелопоннесцев, и ты будешь в полной безопасности и не подвергнешься бедам, как подзреть».

«Какой же это способ, — сказал я ему, — в котором ты говоришь, что он легок и безопасен, чтобы мне не попасться, если я буду рассказывать о делах пелопоннесцев? Ради бога, скажи мне это по секрету».

«Я скажу с удовольствием и всю правду, — сказал мне он, — и ты не бойся. Как ты знаешь, вблизи Спарты в Лаконике, на расстоянии двух дней пути, есть Тенар; в этом Тенаре идут вверх и вниз легкие челноки, перевозящие, как говорят, души умерших. С одним из них напиши мне и объясни все, как там есть. Так вот, если ты так сделаешь, будь уверен, об этом никто не узнает».

«Ты говоришь, дорогой мой, чудесно, — ответил я, — но скажи, кому безо всякой боязни я мог бы вручить письмо, чтобы оно с полной безопасностью дошло до тебя и лично тебе, а не попало бы в руки кому-нибудь другому в Аиде».

«Отдай давно уже живущему в Спарте поэту Мосху⁶⁰, как он назван по контрасту, — сказал он, — весьма дряхлому и волочащему ноги, вот уже много лет обременяющему лакедемонян. Ему и вручи письмо. А он секретно и очень хорошо доставит его мне».

«Подожди еще немного, — сказал я, — пока я не обдумаю всего по этому поводу. Ведь тот, кто не обдумает всего, является, по словам Соломона⁶¹, своим собственным врагом. Обдумав все и разобравшись, я все по мере возможности расскажу, какой у них, лакедемонян, порядок, общественный строй и образ жизни».

21. «Прошу тебя, ты так и сделай, — сказал он, — я же уйду, чтобы лечить одного топарха, отъявленного негодяя, у которого болят ноги. А душа у него раздваивается, и он очень страдает от нерешительности, который из двух планов ему выполнять: продолжать ли ему проявлять

⁵⁹ Пародия на стих Аристофана: „В капусту влагу тянет размышление!“ („Облака“, ст. 236).

⁶⁰ μόσχος — побег, бутон, молодое животное, дитя. Здесь имеется в виду какой-то неизвестный византийский поэт, а не буколический поэт II в. до н. э.

⁶¹ У Соломона такого изречения нет.

неизменную преданность государю, которую он теперь проявляет лживо, обманно, как хамелеон, или последовать и ему за другими топархами, ступив на путь мятежа и неверности».

«Кто же это такой, — спросил я его, — этот негодяй, страдающий болезнью ног, душа которого находится в смятении и раскололась на две части, который будет лечиться у тебя? Я хочу узнать его имя».

«Его имени я никак не могу сказать, — ответил он, — но по болезням, которыми он страдает, и по его образу действий ты легко мог бы его узнать».

«Да, я этого человека знаю, — сказал я, — и доволен: не делай его имени известным толпе. Но я нахожусь вот в каком недоумении, очень странном, необычном и трудно разрешимом. Ты только что сказал, что отправляешься исцелять как его ноги, так и его несправедливую изменчивую душу. Ах ты, нечистая сила! Есть ли для него излечение, для него, который чернее эфиопа, который слывет самым ничтожным, самым преступным? Конечно, его боль в ногах ты можешь уменьшить, дав ему напиток из терпентина; но переделаешь ли ты так скоро болезнь его души, его несправедливости и грабежи, которым он всегда предавался с самых детских лет?»

«Прошу тебя, — сказал он, — оставь свои многоречивые споры и недоумения и напиши мне, о чем я тебя просил и что ты мне обещал. Так как, если ты захочешь исследовать настроение пелопоннесцев, их души и поступки, которые они днем и ночью совершают друг против друга, и ту „верность“, которую они проявляют к императору, и все остальное, что они делают противозаконного, все их взаимные клятвы, обманы и убийства, то ты найдешь души их всех как бы окутанными густым туманом, дышащими убийствами, корыстолюбивыми, спесивыми и всегда стремящимися к спорам и дракам, верность их всегда порочной, полной обмана и коварства, а по отношению к другим поведение каждого из них раскололось на три части: одно у него на языке, другое на душе и в голове, а еще третье делает он на самом деле».

«Если так обстоят дела, друг мой, — сказал я, — как ты это высказал в одной этой фразе, что еще нужно тебе узнать от меня об их житье-бытье, о порядках и образе жизни? Чтобы составить себе ясное представление обо всем этом, вполне достаточно того, что ты сказал».

«Все это в общих чертах мне рассказали в аду многие, но на частных примерах мне это никто не объяснил. Потому-то я тебя прошу и умоляю, чтобы ты мне это описал пункт за пунктом, как мне это хочется».

Тут я его спросил: «Ты хочешь, чтобы я тебе это изложил в пространной форме или в лаконском стиле?»

«Пиши, — ответил он мне, — обо всем этом подробно, и не опуская ничего; а излагай, как хочешь. Только пошли мне это в ад скорее и не откладывай на завтра, чтобы, по словам поэта⁶², и самому не попасть в беду».

«Ну так; я хотел бы уже сделать, как ты мне велишь. Но если бы этот певец, впавший в детство от старости, хотел бы крепко держаться за жизнь и не пожелал бы отправиться в ад, если ему еще было бы приятно проводить время в Спарте среди праздников и песнопений и вакхических пиршеств, кому другому велишь ты вручить мое письмо?»

«Только заставь свою руку приняться за письмо, — сказал он, — и если Клото не захочет обрезать нить жизни, которую она напряла этому столетнему негодяю, то Харон даст одному из благородных людей свой

⁶² Гесиод. Работы и дни, ст. 408—411.

знак, и не успеешь ты кончить порученное, как он без затруднений, распутный и ветреный, отнесет его Керберу; так вот ему и поручи письмо».

«Я так и сделаю, — сказал я. — Но, хотя я многократно просил тебя, чтобы ты сказал мне, какой из двух дорог мне идти, ты мне не сказал на это ни одного слова; ну скажи же мне, во имя нашей дружбы».

«Напиши мне письмо, которое ты мне обещал, — сказал он. — Относительно же того, о чем ты просишь, я скажу тебе завтра на рассвете⁶³, явившись к тебе во сне».

«А ты разве перед тем не сказал, — заметил я ему, — что откладывать дело во всяком случае не очень похвально? Так зачем же ты откладываешь ответ на завтра, а не говоришь сейчас?»

«Останься еще некоторое время в Пелопоннесе даже против своего желания, — сказал он, — и если светлейший и украшенный многочисленными великими милостями порфирородный деспот⁶⁴ не одарит тебя достаточным для жизни и достойным тебя содержанием, то уходи на Крит⁶⁵ или к деспоту Кефалонии⁶⁶, чтобы ты не скулил, как собака, не кружил по Спарте и не грелся на солнце с несчастнейшим Аканфопатеем. И там, неизвестный никому, ты можешь обучать наукам детей богатых родителей или стать человекомгубительным врачом, как объявившийся в акрополе Спарты Халиберас из рода Дук».

«Приношу тебе благодарность, — сказал я, — что ты дал мне такой полезный совет. А теперь и я со своей стороны охотно примусь за письмо».

Письмо

21-го сентября 9-го индикта⁶⁷

22. Раз уже ты, мой лучший друг, убедил меня не только написать и рассказать, но даже послать тебе в ад то, чего я не хотел говорить даже в закоулке, даже кому-нибудь из своих близких, я пускаю, насколько могу, в ход свою руку и тотчас же приступаю к писанию. В Пелопоннесе, как ты и сам знаешь, друг мой, живут вперемежку очень много разных племен, границы их областей теперь найти трудно, да это и не очень важно. Главнейшие из тех племен, языки которых ясно различаются всеми на слух, следующие: лакедемоняне, италийцы, пелопоннесцы, славяне (слабины), иллирийцы, египтяне и иудеи (среди них немало метисов и подкидышей); всего их насчитывается семь племен. Число «семь» в других случаях многократно является вполне благонадежным и чтимым, а у арифметиков оно называется «девственным», но по отношению к этому сброду оно является безбожным и проклятым⁶⁸. Если бы, конечно, это был один народ, или они составляли бы единый город, то зло было бы меньше и проще; вообще они жили бы там без жульничества, по-особенному, безо всяких происшествий, и во всем сохранился бы законный порядок и справедливость, согласно с чем они бы и действовали. Теперь же,

⁶³ Древние писатели (Гораций. Сатиры, I, 10, 33; Овидий. Героиды. Послание 19, ст. 195; Тибулл. Элегии, III, 4, 1 и др.) считали сновидения под утро пророческими.

⁶⁴ Деспот Феодор Палеолог. См. предисловие.

⁶⁵ Остров Крит находился под властью венецианцев.

⁶⁶ Деспотом Кефалонии был Карл II из дома Токко в Беневенте.

⁶⁷ Т. е. 21 сентября 1415 г. по нашему летосчислению.

⁶⁸ Учение о мистических числах зародилось в глубокой древности. В греческой философии оно связано с именами Платона и Пифагора, не чуждо оно христианской и иудейской религиям. Наиболее священными считаются простые числа, не разлагаемые на множители: 3, 5, 7 и 13.

когда они составляют какую-то пеструю смесь и живут, перемешавшись друг с другом, не может быть иначе, чтобы один не подражал другому в нравах, законах, в природных свойствах, в жите-бытье, особенно во всяких дурных поступках, которыми один народ превосходит другой, все равно как общающийся с хромыми неизбежно станет и сам припадать на одну ногу. Так как дело обстоит так и не может быть иным, расскажем же о каждом отдельном племени, о его обычаях, об их совершенствах и пороках, как пороки одних объединяются с пороками других. И вот одни из них взяли себе за образец тщеславие и лживость, готовность к клевете и доносам, надменность, пьянство и скряжничество во всем, одним словом, полную и законченную злобность. Иные подражают во властолюбии, жажде наживы, в мелочном корыстолюбии и ведут поэтому замкнутую жизнь, но не покидают своей взбалмошности и коварства. Другие позаимствовали непостоянство, неверность, чистейший обман, несправедливость, корыстолюбие, склонность к восстаниям, заговорам, мятежам, предательствам, клятвопреступлениям, к тирании. Иные взяли себе примером всю резкость других, их дикость, неукротимость, яростное стремление к убийствам, грубость, страсть к разбою, их варварство, беззаконие и безбожие. Есть и такие, что по примеру других занялись распространением лжи и шпионством; как дикие звери, они кидаются на всякое мошенничество, предаются попойкам, позволяя себе излишнюю роскошь в нарядах и в то же время занимаются отъявленным воровством, строят козни, проявляют хитрость и коварство; другие опять-таки взяли себе за образец бесстыдство и грубость, лживый и сумасбродный образ жизни, занимаются колдовством, всяким мошенничеством и срезают кошельки. Наконец, иные научились заводить шум и ссоры, научились взаимному подзуживанию и злословию, полному интриг; они усвоили себе враждебные выходки, глупость, бесчестность, развратность; они живут в нечестии, забыв бога. Что я буду говорить о тех, которые предаются грехам Содомы и Гоморры, кровосмешению и другим гнусностям! Ведь если бы я захотел подробно передать образ жизни всех их, мне понадобилось бы тогда и много слов, и длинный рассказ. Так вот, отказавшись от долгих речей, я хочу в одном слове представить и характер и образ жизни всех их. Один из великих людей сказал, что добродетель губится бесполезными речами⁶⁹. Если хорошее портится ненужным, то что же делается с плохим, когда оно возвращается и живет в среде еще более плохого, скорее сказать, с ним смешивается и воссуществует, все более сплетается и валляется в нем, как свинья в грязи и навозе.

Если ты, ненасытнейший исследователь, убежден, что именно так, а не иначе складывается их образ жизни, как я тебе изложил сейчас в немногих словах, ты мог бы освободить меня от многословия и не очень приятных рассказов, и от меня не потребовалось бы дальнейших рассказов, чтобы изобразить их образ жизни. Если же ты не убедился и не веришь мне и у тебя есть другое мнение о них, ложное и вызывающее недоумение, которое ты имел, когда посоветовал мне отправиться в Пелопоннес, то выслушай ты, виновник всех моих бед, или скорее, чтобы мои слова имели более широкое распространение, слушайте же вы, живущие в Аиде. Ведь те, которые еще живут на земле, знают все то, что я сейчас скажу, а те, которые после них придут в последующие века, услышат об этом, и это будет памятником негодности, лучшим всех ранее воздвигнутых памятников, ко-

⁶⁹ Мазарис, вероятно, имел в виду первое послание апостола Павла к коринфянам (XV, 33). Но та же мысль встречается и у других писателей (у Диодора Сицилийского, Плавта).

торый заставит забыть все ужасные деяния на Лемносе и [бедствия] из песен «Илиады»⁷⁰.

23. Священный, преславный, высочайший самодержец 25-го июля 7-го индикта⁷¹ отплыл из Константинополя на одном большом корабле и на пяти галерах и прибыл к мятежному много раз воспетому острову Фасосу; там он пробыл три месяца и с помощью сильного войска и могучих камнеметательных машин подчинил себе весь этот остров, как это было в прежнее время, хотя раньше тут бывало часто много больших войн. Затем он прибыл в Фессалонику и, приведя там все в надлежащий порядок, радостно отправился с этим же войском дальше в Пелопоннес. Но ведь он прибыл туда не для пиров или охоты, не для разнузданных удовольствий или отдыха от трудов, от тех многих славных дел, которые он совершил на Фасосе и в Фессалонике; нет: на том, в течение веков открытом и ставшем доступным для всех перешейке Пелопоннеса⁷², об укреплении которого стенами и рвами даже во сне не мечтал ни один из императоров до него, он сверх всякого ожидания в течение 25 дней выстроил стену с зубцами и башнями и на обоих ее концах вновь восстановил две разрушенные крепости для охраны живущих за этой стеной и создал для живущих вне ее убежище от варварских нашествий и притеснений и безопасную гавань. Еще не был окончен этот прославленный труд, как люди, привыкшие перемешивать все снизу доверху и приводить все в смятение в течение всей своей жизни в Пелопоннесе, люди, которые всегда радовались сражениям и беспорядкам, эти всегда смертью дышащие топархи, исполненные обмана, коварства и лжи, погруженные в тьму варварства и напыщенные от пустого тщеславия, неустойчивые, клятвопреступные и неверные по отношению к императору и деспотам, бывшие всегда бесталанными, но мнящие себя выше Тантала, сущие Иры, но считающие себя героями⁷³, преисполненные десятков тысяч распутных и подлых поступков, эти люди — о земля, солнце и весь хоровод светил, к вам обращаюсь я! — позорно встали против их благодетеля и спасителя. Каждый из них заботился только о создании собственной тирании, они давали друг другу клятвы и, составляя злобные заговоры, строили козни, злоумышляя против благороднейшего императора и требовали с угрозами у работающих, чтобы они разрушили укрепление, выстроенное для спасения их самих и их близких. А этого создателя укрепления, благодетеля, вождя и хранителя, неусыпного стража ромеев, Геракла нынешнего времени, совершающего подвиги более героические, чем Геракл, который все свои интересы поставил на второе место ради того, чтобы построить стену и провести рвы около этого укрепления для охраны всех живущих за ним, непобедимого и благороднейшего самодержца они хвастались, что уберут или тайно, или при помощи оружия и войска. И вот, когда они проявили по отношению к нему такое предательство и мятежный дух, он, никем не превзойденный самодержец, перенес со всем благородством твердо и, можно сказать, с великодушием и решимостью, безо всякого страха всю эту подлую пустую болтовню этих негодяев, их выходки, коварство и нападения, так же как и их крокодиловы речи, полные обмана и преда-

⁷⁰ Это выражение является поговоркой, оно встречается у многих авторов. Событие на Лемносе — это убийство женщинами своих мужей (Геродот, VI, 138). Под бедствиями в „Илиаде“ разумеется гибель многих героев.

⁷¹ Т. е. 25 июля 1414 г.

⁷² Т. е. на Истме.

⁷³ Ир — нищий в доме Одиссея на Итаке, захотевший вступить с ним в борьбу, но быстро выброшенный им из дома. Очень возможно, что слово „Иры“ (Ἴροι) и слово „герои“ (ἥρωες) при византийском произношении звучали почти одинаково.

тельства, тщеславие вооруженного серпом Геллеавурка⁷⁴. Он двинулся против них со своим могучим войском, милостиво неся с собой, можно сказать, и дождь и солнце, радуясь и вместе с тем страдая: радуясь потому, что этими своими столь полезными и благостными делами он уличил не только их издревле воспитанные ими позорные стремления к предательству и злорадству, но он показал (всему миру) и их плутовство, лживость, фальшь, коварство, всю глубину их прочей низости, ко всему этому их предательство. Ведь их глупость и безумие не могли бы выясниться иначе, как в свете его прекрасных деяний, подобно тому как уличает безумца находящийся в твердом уме, лучше сказать, как пробный камень уличает фальшивое золото. Мучился же он тем, что славное и заслуживающее многих похвал дело, к которому он стремился и о котором возносил мольбы, он не окончил и принужден был тратить свое время на другие дела, неприятные и лежавшие вне пределов его желаний и планов, вроде войн, трудных походов, сражений, взятия укрепленных городов, договоров с некультурными народами, посольств к никчемным лицам, оказание благодеяний неблагодарным, сочувствие и выражение дружеских чувств по отношению к диким варварам, только и жаждущим войн и убийств, и больших денежных трат для изготовления осадных и стенобитных машин, недостатка в самом необходимом, пребывания в безводных диких местах, переходов по непроходимым горам, лагерных стоянок на голой земле, бессонных ночей, ворчания слуг, заговоров рабов, лености и медлительности близких, забот о конях и возни с тысячами других несчастий.

24. Вот какую, если не худшую, благодарность, друг мой, ныне воздают эти люди своему спасителю и благодетелю, общему стражу всех ромеев; следовало бы день и ночь молиться за него всемогущему господу, усердно возносить за него молитвы и прошения, с радостью слушаться и повиноваться его распоряжениям, охотно выполнять его приказания, славить и возвеличивать во всем подлунном⁷⁵ мире вот это его деяние и имя его записать и в своих мыслях, и в своих сердцах. Какими ты слышишь теперь от меня они проявили себя по отношению к нему, своему благодетелю — неблагодарными, к своему спасителю — непризнательными, к недремлющему стражу — отступниками, к готовому применить всякие средства для их спокойствия — мятежниками и заговорщиками, по отношению к своему передовому бойцу и охранителю от всех грозящих им бедствий — клятвopеступниками, убийцами, полными коварства и подлости. Если они так себя ведут по отношению к благороднейшему и всевысочайшему, непобедимому самодержцу, по слухам, только что заставившему взволноваться и дрожать души сатрапов от Востока до Запада, который своими деяниями навел страх и ужас на всех своих врагов, то что же такие люди сделают по отношению ко мне, бедному и несчастному, и к тем, которые, как я заметил, пелопоннесцы считают восточными?⁷⁶ Поэтому-то я и молюсь всемогущему, сотворившему из ничего все живое, чтобы замки этих мерзких, лживых, коварных, преподлых, никчемных топархов были уничтожены легко и быстро силою благороднейшего самодержца, а сами они чтобы расплавились, как воск от огня, как иней под лучами солнца, чтобы они почувствовали себя униженными, поработенными его строгой властью и господством, покорились бы игу самого лучшего, светлейшего, порфирородного нашего владыки. Молю подземного

⁷⁴ По видимому, вожьд пелопоннесских мятежных топархов. Его имя у византийских историков и хронистов не встречается.

⁷⁵ В тексте: под солнцем.

⁷⁶ Т. е. вообще иноземцами.

Гермеса и Персефону и самого великого Плутона, чтобы, раз уж ты мне коварно посоветовал или скорее соблазнил отправиться в Пелопоннес со всем скарбом, за это ты претерпевал бы в аду, ступая по чертополоху и акантам, чтобы иссякла для тебя вода Стикса, чтобы во веки веков ты не пил воды Леты, чтобы день и ночь сверлили тебе мозг отвратительные речи твоего соперника, чтобы ты лишился золотых флоринов, которые ты, обманутый, отдал скрывающимся под белым покровом⁷⁷. Пребывай в аду, мучаясь до последнего трубного гласа, и принимай нас радостных, когда и мы, если богу будет это угодно, придем к тебе.

**Письмо Мануила Голобола с товарищами
лучшему и славнейшему из врачей
господину Никифору Палеологу Калаке**

25. Думаю и до того нашего письма, о котором три дня тому назад я вел разговор во сне с моим лучшим другом Мазарисом, ты хотел узнать, лучший из врачей, как обстоит дело со мной, подобно тому как и я сам знаю с тех пор все в точности относительно тебя от врача Ангела, который перенес много мучений в Пелопоннесе при получении своих же денег и от отчаяния и упадка духа устремился в Аид. Поэтому нет нужды в длинных разговорах, чтобы написать тебе и утешить тебя во всем и особенно в несчастии и трудах, которые ты перенес, живя в Пелопоннесе. Уехавший из своей родины подобен получившему крылья муравью, и как тот погибает, летая вокруг и около, так гибнет и первый, переезжая с места на место. Но вот что я хочу тебе сказать кратко только в качестве утешения. Раз ты ушел из великой столицы, как я это узнал, и пришлось тебе жить в Пелопоннесе, и теперь, борясь с несчастиями, ты извелся, впав в отчаяние, почти лишился разума и по ночам проклинаешь тот день, в который ты покинул родину, днем же ты вечно вспоминаешь детей, дома, поля, деревья, плоды, цветы, лакомства, рыбу, богатства, пиры, зрелища, беседы с лучшими людьми и все другие удовольствия и наслаждения, я хочу предложить тебе лекарство, отвращающее эти мысли, так что оно даст тебе забвение всех благ, которыми ты наслаждался; я и сам в былое время выпил его в Аиде и забыл все неприятности, которые имел от своего соперника, и обо всем прекрасном, чем я наслаждался в жизни, и о тех золотых флоринах, которые я, обманутый, как простофиля, — о, Геракл! — отдал этим скрывающимся под белым покровом. Воспоминание обо всех наслаждениях, мой милый, является несказанным мучением, наказанием наиболее тяжким, страданием, что грызет не только тело, но истощает и душевные силы. Если бы ты только захотел хоть раз выпить это целебное средство, которое в аду называется «водой Леты», и только его одно, ты бы забыл обо всех этих вещах, и у тебя не будет памяти не только о родине и о всех удовольствиях, которыми ты наслаждался, но также и об этом зарытом золоте и большом нововозделанном поле, о хороших доходах, о спасительных⁷⁸ снадобьях, которые ты поручал делать честнейшему Севастьяну, а также и о взносах чужеземцев и о денежных подарках начальников Галаты. Будь здоров, лучший из врачей и самый счастливый, на многие дни под светом солнца.

Написано в Тенаре 16 октября и послано с Синадином из Кормеи.

⁷⁷ Опять намек на Ксантипулов. См. прим. 20.

⁷⁸ Ирония: вместо „губительных“.

Ответное письмо Палеолога Голоболу

26. Получил я твое письмо из Тенара, великолепнейший ритор, с жителем Пелопоннеса Синадином из Кормен; это письмо стоило разорвать, а не читать, за то, что ты написал, будто у меня есть зарытое золото. Но что же делать, раз ты его послал, а я против своего желания его прочел и познакомился с написанным тобой рассказом и с твоей памятной запиской, а особенно с твоим советом, последовать которому ты мне рекомендуешь в Пелопоннесе. Я думал, что в письме ты мне напишешь, как идут дела в Аиде, какой жизнью живешь ты и в какой разряд попал ты там, числишься ли ты среди лучших врачей или находишься в числе многовлиятельных ораторов, или занимаешься там одновременно и тем и другим, как ты занимался при жизни, получая прибыль от обоих ремесел; что ты вместе с тем сообщишь, какое из этих занятий там больше уважают: искусство оратора или науку врача; а кроме того, опишешь мне те удовольствия, которыми ты наслаждался, прийдя туда, с тем чтобы и нас побудить бежать от здешних бедствий и поспешить в Аид. Ты же, судя по тому, о чем ты вспоминаешь и пишешь, еще не напился воды Леты: ведь те, которые вкусили ее, как говорят поэты, все забывают. Если же ты ее пил, как ты пишешь, но все еще имеешь воспоминание и о сопернике, и о золотых статерах, и о племяннике, и о других радостях и удовольствиях, то какое еще большее наказание ты мог бы понести, когда ты предстанешь перед судьей, которого нельзя обмануть? Ведь как ты сам сказал, воспоминание о минувших радостях равносильно десятку тысяч наказаний и взысканий. Если и я выпью воды Леты, как ты предлагаешь, и тем не менее не позабуду ни о чем, что у меня есть, но и в аду буду об этом помнить, так же как и в Пелопоннесе днем и ночью я терзаюсь этими мыслями, я не знаю, в чем тут будет для меня выгода? Поэтому я думаю, лучше мне оставаться на «острове Пелопса», хотя бы в одном нижнем одеянии, бросаемою то кверху, то книзу, лишенному всех радостей, чем в данный момент отправиться в ад. Ведь пребывающий еще в живых, если бы ему пришлось уйти до пределов вселенной, поздно, может быть, но все же смог бы опять вернуться на родину; находящийся же в аду (остается там) вплоть до последнего трубного гласа. Поэтому, пока дела обстоят как сейчас, я не хочу (последовать твоему совету). Мне очень хочется соединить два самых милых существа, ему дать невесту, а ей — жениха. Но тем не менее приготовь нам место по достоинству, потому что немного позже, хотим или не хотим мы, даже против нашей воли мы придем к вам. Пребывай же, красноречивый оратор, не подвергаясь наказаниям, в месте, покрытом зеленью, дающем отдохновение, вплоть до последнего трубного гласа. Это я написал в Спарте 21 октября и послал с безвременно умершим фессалийцем Хрисафом, не имеющим за душой даже кусочка свинца⁷⁹.

Произведение Мазариса в Берлинской рукописи заканчивается следующим письмом императору Мануилу II:

По приказу твоего величества, о преславнейший из всех государей, скорее для шутки, чем всерьез, написал я это, пользуясь постоянным общением с тобой, соединенным с твоими благодеяниями. И благодаря этому общению в течение (всего) времени с твоей мудростью и светлостью, если бы ты мне приказал сплясать, как плясал Терсит, то, слегка

⁷⁹ Имя Хрисаφής происходит от слова Χρῑσός — золото. Здесь обычное для Мазариса обыгрывание собственного имени.

прихрамывая, я сделал бы это: так ты привлек меня, как бы замороженного волшебством, о светлейший и украшенный многими великими милостями. Однако, так как приказание твоего величества я выполнил охотно и без промедления, исполни и ты, о славнейший, следующую мою просьбу: а именно — не оглашай этого в театре (т. е. при большом собрании) и не читай здесь при тех, кого питает Пелопоннес, но когда будешь плыть по морю Эвбеи и Фессалии, чтобы обрадовать меня, что ты, как обещал, обратил внимание на мою болтовню.

И выполнив это, ты доставишь удовольствие тем, кто плывет с тобою; а пелопоннесцам, так как они не будут слушателями, ты меньше всего доставишь неприятности. Я передал это тебе как раб твоей святой царственности.
